ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 21 (3677) Суббота, 16 февраля 1957 г. Цена 40 коп.

Истоки вдохновения

В городе Ургенче я видел прошлым летом гигантское дерево — чинару. Старик-садовник уверял меня, что дереву этому тысяча лет, и когда я высказал сомнение, он с лукавой улыбкой предложил: попробуйте обхватить его! Четверо присутствовавших при беседе товарищей, держа друг друга за кончики пальцев, с трудом обхватили древнюю и всегда молодую чинару.

Вот так же, как эта многовековая чинара, перешагнув через века, живут и будут жить в своих бессмертных творениях классики литературы.

Последнее время все чаще доносятся с Запада голоса некоторых критиков, которые пытаются опорочить величие нашей советской литературы, приписывают ей «упадок», «вырождение», «тупик».

Обидно, что и в нашей среде кое-где слышны отголоски западных неонигилистов.

Нельзя обеднять богатство духовного мира нашего народа, нельзя не видеть, что советская эпоха дала миру выдающихся мастеров художественного слова, таких, как Горький, Маяковский, Шолохов, Фадеев, Тихонов, Лацис, Корнейчук, Колас, Айбек, Ауэзов, Дмитрий Гулиа, и многих других. Никогда не стареть их творениям, как не стареть нашему народу, породившему их!

На гигантском теле могучей чинары шелестят порою слабые, высохшие ветки и листья. Листья появляются по весне, зазеленеют, пошумят, покроются осенью желтизной, как ржавчиной, опадут — и след их пропадает. Ветку больную, высохшую заботливый садовник отрежет, а недоглядит — ветер отломит ее и понесет прочь.

Есть в нашей литературе и такие произведения, которые напоминают листья,— зазеленеют, пошумят и исчезнут бесследно. Есть и такие, которые можно уподобить слабой высохшей ветке,— ветер времени уносит их в безвестность.

Недолговечна жизнь листа, но могучим стволам — чинарам стоять в веках вечно молодыми, полными жизни!

Старик-садовник рассказал мне «секреты» чудо-дерева чинары: «У нас здесь земля очень плодородная, солнца у нас много, часто дует свежий ветерок, воздух чистый-чистый. А воду чинара из-под земли черпает — корни ее метров на двадцать расползлись во все стороны, глубоко в землю ушли».

Какой мудрый старик! Я слушал его, и в сознании моем звучало — земля у нашей литературы плодородная, советская действительность дает ей богатейший материал: поэзию вдохновенного труда строителей коммунизма, романтику героических подвигов простых советских людей во имя Родины и народа, конфликт побеждающего нового, молодого со старыми, отживающими свой век пережитками в сознании и быту людей.

Солнца у нашей литературы много — это свет ленинских идей, это вдохновляющий пример и призыв партии коммунистов, это ясные горизонты коммунистического завтра.

Освежающий весенний ветер пронизывает нашу литературу, внося в творческую атмосферу чистоту и ясность. Так же как свежий ветер приносит чистый воздух, XX съезд партии открыл перед ней новые горизонты, освободив ее от сковывающего влияния культа личности.

Руководство партии, партийность литературы — это душа советской литературы, это та живительная сила, без которой немыслимо нормальное биение сердца нашей литературы. Жизненность ее — в народности, в отражении интересов народа, в беззаветном служении народу.

Иные писатели и критики в последнее время, не разобравшись, видимо, в существе социалистического реализма, стали объяснять неудачи отдельных литераторов тем, что они-де пользовались методом социалистического реализма, что, мол, решения партии по идеологическим вопросам сковывали творческие силы и возможности писателей, вели к нивелировке и схематизму. Это, в лучшем случае,— плод нежелания или неумения глубоко вникнуть в требования социалистического реализма.

Выступать против партийности литературы, против метода социалистического реализма — это значит отрывать литературу от ее почвы — от народа, от советской действительности.

Советские писатели были и останутся активными борцами за коммунизм. Они идут с партией, с народом, осененные светом ленинских идей и знаменем социалистического реализма. Они с честью выполнят свой патриотический долг перед Родиной, перед народом.

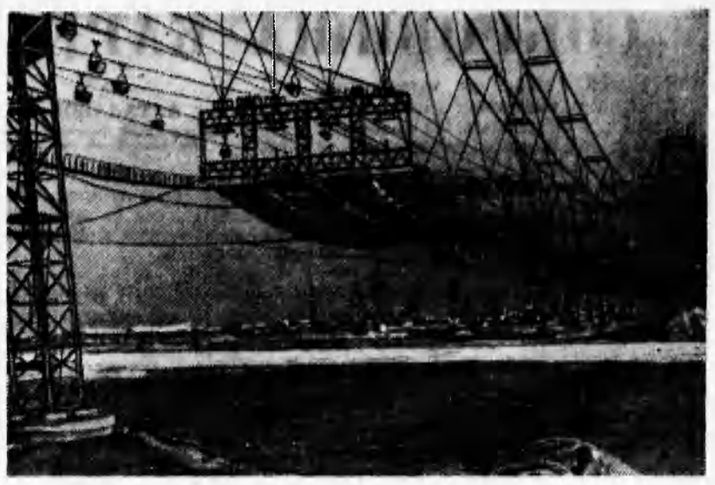
Шараф РАШИДОВ

Пленум Центрального Комитета КПСС

13—14 февраля состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум заслушал и обсудил доклад тов. Хрущева Н. С. о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством и принял по докладу соответствующее постановление.

Пленум ЦК избрал тов. Козлова Ф. Р. кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС и тов. Шепилова Д. Т. секретарем ЦК КПСС.



В создании волжского каскада гидростанций наступает новый этап. Заканчивается в этом году сооружение Куйбышевской ГЭС — ее мощность достигнет 2 миллионов 100 тысяч киловатт! Это дает возможность перебросить большой коллектив ее опытных строителей под Саратов, где начинается сооружение новой гидроэлектростанции. В то же время ускоряются работы на Сталинградской ГЭС. На нашем снимке показана сооруженная здесь подвесная канатная дорога через Волгу, соединившая ее берега. Грузы, которые она принимает на правом берегу, доставляются на продольную перемычку котлована и на пойменный бетонный завод. Канатная дорога приносит огромную пользу стройке, особенно во время ледостава и ледохода, когда сообщение между берегами нарушается.

Фото А. Маклецова

Возродим „Историю заводов“

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ПЕРЕД величественной датой сорокалетия Октября невольно оглядываешься на пройденный государством и народом путь, с гордостью думаешь о настоящем и будущем нашей Родины и о прошлом — о пяти пятилетках.

Вспомним первую пятилетку, которая так увлекла на свои стройки молодую нашу литературу во главе с ее корифеем Горьким. Среди замечательных начинаний Алексея Максимовича Горького, сыгравших важную роль в развитии советской литературы, видное место занимает «История фабрик и заводов». Идея создания истории фабрик и заводов родилась у Горького в эпоху первой пятилетки. Алексей Максимович писал:

«Нам необходимо изучать нашу действительность во всем ее объеме, нам нужно знать в лицо все наши заводы и фабрики, все предприятия, все работы по строительству государства. Надо подробно, всесторонне знать все, что нами унаследовано от прошлого, и все, что создано за четырнадцать лет, создается в настоящем».

Почин Горького, его энтузиазм захватил многих писателей, и не только писателей, но и непосредственных участников строительств — творцов истории.

Книги, изданные в ту далекую пору, невозможно без глубокого волнения раскрыть сейчас.

«Люди Сталинградского тракторного», работа Якова Ильина, завершенная Борисом Галиным, и поныне по праву считается одним из интереснейших произведений нашей литературы. (Кстати, она широко известна и в Китае).

Давно не переиздавались, но сохранились в памяти такие книги, как «Были горы Высокой» или «Моя жизнь» А. Коревановой.

Для многих писателей история заводов была их литературной колыбелью. Много потрудились в тридцатых годах и историки: литература и историческая наука шли плечом к плечу.

Более двадцати книг вышло в свет, и трудно сейчас определить, к какому литературному жанру следует отнести эти произведения. Здесь сплавились и очерк, и рассказ, и научное исследование, и мемуары, и литературная запись.

Драгоценные черты времени живут, например, в такой замечательной работе, как «Рассказы строителей метро» (литературная редакция А. Гарри, А. Зуева, Л. Кассиля, Л. Никулина, Я. Рыкачева и В. Шкловского). Чтение таких книг очень волнует, в них отразились важные черты жизни и развития нашего общества.

Многие горьковские начинания закрепились в нашей общественной и литературной жизни. К сожалению, после смерти Горького была свернута работа по истории фабрик и заводов. Перед войной и в послевоенные годы лишь несколько книг, созданных в традиции «Истории заводов», увидело свет. Я назову рассказы строителей Волго-Дона, изданные в Сталинграде, рассказы ткачей Трехгорки. К столетию Сормовского завода группа писателей подготовила литературно-исторический сборник, но почему-то издательство «Советский писатель» книги не выпустило.

Сейчас на некоторых заводах, например на Кировском в Ленинграде, возобновляется работа по созданию истории. Из газетного сообщения явствует, что в этом деле принимают участие бывшие путиловцы — литератор, педагог, старые производственники.

Думается, что литературные объединения и кружки, имеющиеся на многих заводах, значительно оживят свою деятельность, если начинающие литераторы примут активное участие в собирании и записывании воспоминаний, сами будут писать главы истории.

Не секрет, что многие литкружковцы не знают, как и куда направить свою молодую энергию, занимаются литературным школярством, порой не содействующим развитию их способностей. А вот участие в живом, большом деле может оказаться куда более полезной литературной школой!

На пороге сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции потребность в литературно-исторических книгах, показывающих в образах и в документально точных рассказах славный путь первого в мире социалистического государства, велика, как никогда. Естественно, что в годы первой пятилетки Алексей Максимович нацеливал литераторов на создание истории заводов и фабрик, не только строящихся, но и прошедших многолетний путь и являющихся как бы главами истории революционного движения в России. Этот раздел истории не теряет своего значения и важности сейчас. Но развитие и рост нашего государства вписали новые главы в мудрую историю народа-творца, в книгу нашей жизни.

Мы прожили четыре советских десятилетия, нашим юношам и девушкам кажется, что всегда были Магнитогорск и Кузбасс, они не знают потрясающих фактов «перехода» фабрик и заводов на восток в 1941 году, да и Волго-Дон иным из них уже кажется не новостройкой.

Большими шагами идет вперед, в «коммунистическое далеко» наша Родина. Творимая история не успевает быть запечатленной.

Подробности событий, живые черты быстротекущего времени, не будучи собраны, в лучшем случае ложатся на полки архивов, покрываются пылью, теряют свой вкус и аромат. В двух томах «Рассказов строителей метро», например, говорится лишь о первой очереди этой стройки, социалистической по всей своей сути, являющейся примером, если можно так выразиться, индустриальной заботы о человеке. Дальше история обрывается. Лишь мраморные доски в вестибюлях новых станций метро с указанием дат окончания строительства да быстро забывающиеся устные рассказы участников и очевидцев сохраняют память о замечательных трудовых подвигах. Ровесница Сталинградской победы — станция Новокузнецкая, например, была воздвигнута не только руками опытных мастеров, но и руками домашних хозяек, влившихся в поредевший коллектив метростроевцев.

А станции и туннели Большого кольца! А беззаветная работа московских туннельщиков в разных концах страны! Сколько вдохновения, сколько поэзии, какое богатство социалистических черт, превративших тяжелый труд в творчество!

Не слишком ли небрежительно относимся мы к своей истории, поручая ее только архиву, а порой и не донося ее даже до архивных полок.

В фельетонах и пародиях уже стало штампом высмеивать штамп рассказа или очерка, начинающегося со слов: «Здесь была степь и гуляли ветры» или что-нибудь в этом духе. Между тем эта фраза, действительно ставшая штампом, похожа на подобную ей, как похожи друг на друга дверные ручки. Но откроешь дверь, и перед тобою жизнь — многообразная, каждый раз по-своему необыкновенная.

На строительстве Волго-Дона я подружился со старым грузным человеком, усталым и замученным делами, начальником района. Я долго не мог найти ключа к этому человеку, он казался мне мрачноватым, а порою даже опустошенным. Но однажды, ночуя в его коттедже, я увидел над легкой раскладной койкой начальника печатное расписание железнодорожных поездов. Мой знакомый безвыездно жил в донской степи, и непонятно было, зачем ему расписание далеких дорог. Название одной из станций было подчеркнуто красным карандашом. Эта станция появилась в расписании лишь несколько лет назад, благодаря стройке, породившей новый город. А стройку начинал владелец раскладной койки, по суткам пропадавший в пору нашего знакомства на шлюзе. Начальник преобразился, когда я заметил его расписание, обещал мне рассказать о своем городе, но разговор все откладывался за текущими делами. Недавно я узнал, что начальник района, уже на стройке одной из волжских электростанций, умер от разрыва сердца. Он так и не успел рассказать о главном деле своей жизни.

Как нужен, как дорог был бы его рассказ, и ничего страшного не было бы в том, что первой фразой прозвучало бы снова: «Мы пришли в голую степь, где гуляли ветры...»

В горьковской идее «Истории фабрик и заводов» намечалось не только мемуарное и художественное воспроизведение прошлого нашей индустрии. Чрезвычайно важно с историческим взглядом подходить к событиям повседневной жизни наших заводов и фабрик. Это может иметь очень серьезное воспитательное значение для новых пополнений рабочего класса.

Есть у нас заводы, рабочий состав которых побольше населения солидного города. Как хорошо и полезно было бы иметь в заводском книжном магазине книгу истории, иллюстрированную портретами героев строительства и производства. Нет никакого сомнения в том, что эта книга займет почетное место в библиотеке каждого кадрового рабочего, будет содействовать формированию заводской гордости.

Быстро теряются и пропадают факты истории наших лет, мы не успеваем угнаться даже за событиями сегодняшнего дня. Есть необходимость повседневно собирать исторический материал нынешних строительств, чтобы не только многотиражная газета была памятником трудового подвига советских людей. Как хорошо было бы иметь на заводах и стройках группы летописцев, привлекающих к своей работе широкий рабкоровский актив! Совершенно очевидно, что организаторами такой работы должны стать писатели и журналисты. Это поможет теснее связать литераторов с жизнью.

Мы часто вспоминаем о том, что «Энергия» Федора Гладкова и «Время, вперед!» Валентина Катаева, «Соть» Леонида Леонова и «День второй» Ильи Эренбурга, «Кара-Бугаз» Константина Паустовского и «Гидроцентраль» Мариэтты Шагинян были созданы в результате длительного пребывания писателей в новых для них местах, в самой гуще жизни, в центре событий, наиболее полно выражающих направление эпохи. Стоит ли напоминать о том, что лучшие произведения о Великой Отечественной войне были написаны писателями, состоявшими в кадрах Советской Армии, выполнявшими повседневную работу, которая была связана с теми или иными задачами фронта и фронтовой обстановки. Специального «сбора» материала не происходило, материал накапливался как бы исподволь.

Сразу же после завершения Великой Отечественной войны группе литераторов было поручено собрать рассказы воинов, составить книгу «Штурм Берлина». Я принимал участие в этой работе и помню, что уже через два месяца после водружения знамени Победы на рейхстаге оказалось очень сложным делом собрать воспоминания участников боев: одни демобилизовались, другие переменили свою часть. Однако эти «поиски героя» исподволь стали для нас, собирателей воспоминаний, особенной школой: мы еще лучше, глубже узнали нашу армию, вышедшую из войны с великой победой.

Конечно, можно рассматривать работу по истории фабрик и заводов, по истории Советской Армии, истории колхозов и совхозов как нечто, отличное от собственно литературного творчества. Это будет и правильно, и неправильно. Меня не так поймут те, кто решит, что я призываю всех литераторов заняться работой по собиранию фактов, рассказов очевидцев, эпизодов и так далее. Конечно, речь идет об одной из форм литературной работы, но нет никакого сомнения в том, что это стало бы жизненно важным делом для многих писателей, старых и молодых.

Подымая в 1935 году вопрос о создании книги «Две пятилетки», Алексей Максимович так определил значение участия писателей в этой работе: «...Каждый литератор в процессе этой работы получит возможность приобрести комплексное знание о жизни своей родины, о ее всемерном росте, об изумительном разнообразии характеров и типов ее людей».

Книга «Две пятилетки» так и не появилась, но работа над сбором материалов для нее была большой школой для многих литераторов. Быть может, эту работу следует продолжить, создав теперь книгу «Пять пятилеток»?

В практике Союза писателей получили довольно широкое распространение творческие командировки. На них отпускаются ежегодно большие средства. К сожалению, многие творческие командировки носят экскурсионный характер, не играют почти никакой роли в судьбе писателя. Создание истории заводов и строек может стать одним из важных общественных дел для советских литераторов. Постоянная связь со строительствами, с коллективами заводов может сыграть роль в жизни и судьбе писателя, может подсказать ему сюжеты и темы для произведений большой и малой формы. В литературе не существует деятельности первого, второго и третьего плана. Все зависит от отношения художника к своему делу, от того, будет ли он работать на полную мощность или в полсилы, в полдуши.

Понятны, хотя и не всегда справедливы, читательское нетерпение, те упреки, которые нам так часто приходится слышать: «Где роман о Куйбышевской ГЭС? Где поэмы об освоении целины?» Думается, что не просто и не сразу создаются такие книги, но мы должны подготавливать условия для их создания; и одним из таких условий является работа литераторов в гуще сегодняшних событий, с историческим подходом к этим событиям, с историческим взглядом на них.

Наш народ любит и ценит свою историю, историю первого в мире социалистического государства; история его строительства имеет не только внутреннее, но и международное значение. История наших строек, наших заводов, выросших и растущих, воплощенная в разнообразной литературной форме, сыграет свою роль в воспитании новых поколений советских людей. Эту задачу мы в силах выполнить лишь в тесном сотрудничестве с историками, лишь при горячем участии коллективов заводов и строек.

Горьковская идея создания истории заводов должна быть возрождена, должна стать одной из важных частей деятельности Союза писателей.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

На днях в издательстве «Московский рабочий» вышла из печати трилогии М. Горького: «Детство», «В людях» и «Мои университеты».

В ближайшее время двухсоттысячным тиражом выйдет большой сборник советской песни; в подготовке его к печати принимали участие московская секция поэтов и группа московских композиторов.

В том же издательстве сданы в производство: богато иллюстрированный том русских народных сказок (объемом 25 печатных листов), однотомники произведений А. Серафимовича и Ю. Крымова, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, избранное А. Твардовского, книга художественных очерков Я. Фоменко «От стен Кремля» и «Рассказы о старой Москве» А. Вьюркова, в которой часть произведений публикуется посмертно, в новом, значительно расширенном виде переиздается книга Н. Родионова «Москва в жизни и творчестве Л. Н. Толстого».

Впервые «Московский рабочий» готовит к изданию сборники художественных произведений рабочих-авторов. С участием Московского отделения Союза писателей подготовлены и печати сборники произведений членов различных литературных объединений, стихов рабочих-поэтов «Вальцовки» и книга стихов Р. Сарцевича — фрезеровщика Автозавода имени Лихачева.

Большинство этих книг выпускается к сорокалетию советской власти. Кроме того, в этом году появится книга художника П. Родимова «Родная сторона» — о природе Подмосковья, с большим количеством иллюстраций автора. Истории одного из старейших русских фарфоровых заводов и его мастерам посвящена книга Ю. Арбата «Вербилки — фарфоровый городок»; книга иллюстрирована рисунками автора и главного художника завода Е. Смирнова.

В общей сложности издательство «Московский рабочий» даст в нынешнем году читателям тридцать книг по разделу художественной литературы. Большая часть их выпускается массовыми тиражами — от ста до двухсот тысяч экземпляров.

«ДОМОВОДСТВО»

Под таким названием государственное издательство «Сельхозгиз» выпустило в продажу книгу, которая отвечает на практические вопросы, связанные с жизнью и бытом колхозной семьи. В книге встретят много поучительных советов и жители городов.

Книга имеет девятнадцать разделов. Читатели найдут здесь много сведений о том, как ухаживать за детьми, украсить жилище, оказать первую медицинскую помощь. Большое место отведено кулинарным советам, заготовке и хранению продуктов, овощей и фруктов. Издание снабжено многочисленными рисунками. Здесь и фотографии цветов, рекомендуемых для комнатного и приусадебного цветоводства, и рисунки для вышивания, и много фасонов платьев.

Крепнет болгаро-советская дружба

В далекое прошлое уходят традиции дружбы русского и болгарского народов. Эта дружба окрепла на полях сражений с общим врагом, ею жило не одно поколение болгарских революционеров, ее воспевало не одно поколение поэтов. С какой любовью говорил о России Иван Вазов:

Россия! Свято нам оно,
То имя милое, родное,
Оно, во мраке огневое,
Для нас надеждою полно.

Любовь к русскому народу чувствуется в нашей стране на каждом шагу. Она в ласковой улыбке, с которой болгарин слушает русскую речь, в многочисленных памятниках, воздвигнутых в честь русских воинов, погибших за свободу Болгарии в 1877—1878 гг. На туманной вершине Шипки сооружен огромный каменный мавзолей, в центре нашего Плевена высится скульптура, изображающая русского героя, освободившего город от турок; по берегам Дуная, вплоть до города Свиштова, по всем долинам и горам страны — повсюду встречаем мы то высокие, то небольшие пирамиды в честь русской воинской славы, русско-болгарского братства. Местами они потемнели от времени, но в сердцах народа любовь и уважение к русским растут и крепнут из года в год!

Любя русский народ, его великую культуру, мы еще больше любим и ценим то, что совершают сегодня народы СССР.

Проникновенно писал наш пролетарский поэт Христо Смирненский о советских людях, которые «первыми вышли на волю», а мужественный революционер Никола Вапцаров восклицал:

— Долой террор!
— Союз с СССР!

Мечты поэта о дружбе и союзе с великой Советской страной осуществились. День 9 сентября 1944 года стал переломной вехой в истории нашей родины. С этого дня наш народ пошел рядом со своим старшим братом по светлому широкому пути социализма.

Если за такой короткий срок мы достигли гигантского для наших масштабов развития промышленности, то этим мы обязаны Советскому Союзу. Благодаря его помощи мы становимся действительными хозяевами земли и мастерами урожаев. Опираясь на достижения советского народа, мы развиваем свою национальную социалистическую культуру, науку и технику.

Недавно в Плевенском округе по инициативе трудящихся был проведен месячник болгаро-советской дружбы. В дни месячника по селам и городам округа проходили многолюдные собрания рабочих и крестьян. Общегородской лекторий организовал в читалище имени Георгия Димитрова собрание, на котором выступил председатель окружного народного совета Стойчо Петров.

Сотни трудящихся города с огромным интересом слушали его увлекательный рассказ о стране строящегося коммунизма, о Москве — сердце Советской страны, о городах-героях Ленинграде и Сталинграде, об Ульяновске, родине великого Ленина. Стойчо Петров рассказывал про Куйбышев, и каждый болгарин вспоминал о том, что жители старого русского города Самары во время освободительной войны подарили знамя болгарскому ополчению.

В каком бы городе или селе ни проходили подобные собрания, везде можно было услышать одни и те же слова: благодаря бескорыстной помощи великого Советского Союза мы строим свое социалистическое будущее, мы уверенно смотрим вперед, потому что верим в дружбу со своим старшим братом и освободителем.

Христо ХАРАЛАНОВ,
заместитель редактора газеты «Септемарийска победа»

ПЛЕВЕН

ЛАМАР

ДЕВЯТОЕ СЕНТЯБРЯ

Государственным издательством художественной литературы выпускается в свет обширная «Антология болгарской поэзии». Она включает образцы народного творчества и произведения болгарских поэтов прошлого и наших дней. Мы публикуем сегодня одно из стихотворений, вошедших в антологию. Его автор — Ламар — известный болгарский поэт.

Как буря, советские мчались танкисты.
Дунай перешли, чуть забрезжил восход.
С цветами осенними утром лучистым
Гостей долгожданных встречал наш народ.

Спустилися с гор партизаны-герои.
Село за селом выходило на бой.
Сентябрь! Он вознес наше знамя родное,
И рухнул народами проклятый строй.

Советы несли нам и дружбу и братство.
Мы видим веселых, счастливых детей.
Ликуй, моя родина! Наше богатство
Комбайн собирает с широких полей.

И новые песни приносит нам ветер
Со старых Балкан, где заводы растут.
Не может быть большего счастья на свете,
Чем наш осененный знаменами труд.

Нам стали теперь и милей и дороже
Сады, виноград и поля табака,
И счастье влюбленной в свой труд молодежи
С глазами сияющими — у станка.

Колонны! Там тысячи девушек стройных,
И матери держат в объятьях детей,
И небо в штыках отразилось спокойных —
И все это песнь твоих будущих дней.

Так радуйся, родина! Бурное пламя
В груди у тебя — от лучей Сентября.
Народ, вдохновленный большими делами,
Выходит на стройку, отвагой горя.

Сентябрь, ты создатель и шахт и заводов.
В отчизне моей твоя сила растет.
И будет бороться за мир и свободу
Свой труд полюбивший болгарский народ.

Перевел с болгарского
А. ГАТОВ

СОКРОВИЩА КАРЕЛЬСКИХ НЕДР

А. ТАЛАНОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Высокие стены из полированного мрамора напоминают дворец. Но это не дворец и не цитадель. Из помещения доносятся шум моторов, глухие удары по железу.

Неужели за стенами из мрамора, из которого ваятели всех времен и народов создавали величайшие произведения искусства, расположена механическая мастерская? На память приходит участок дороги, ведущей сюда, в поселок Рускеала, тоже устланный мрамором.

— Что же это за чудо?

— Обыкновенное... — Человек в замасленной, лоснящейся спецовке кажется темным силуэтом на фоне светлой с зеленоватыми прожилками стены. — Обыкновенное... — повторяет он, привычным жестом пряча гаечный ключ в нагрудный карман спецовки. — Мастерская тут... Строили из отходов. Когда-то добывали тут мрамор... Вот и использовали отходы, чтобы не валялись зря.

— А сейчас разве не добывают?

— Сейчас карьер в ином месте. Теперь делают известь.

— Из мрамора?

— Да! Для бумажно-целлюлозных фабрик.

Геолог Владимир Алексеевич Соколов, научный работник, изучающий недра Карелии, показывает нам местные чудеса и загадки.

— Сначала поглядим на старые, заброшенные ломки... — говорит Соколов и ведет в гору по тропинке, еле приметной на мраморной осыпи. Похожие на куски сахара, крупные осколки со звонким хрустом сыплются из-под ног.

Взбираться по такой осыпи — все равно, что шагать по ступенькам эскалатора, бегущим навстречу. Все же, наконец, удается добраться до вершины осколочного нагромождения. Взгляд еле охватывает поросшие лесом края бездны, ее сверкающие на солнце белоснежные стены с прорубленными циклопическими арками. На дне выработки голубеет зеркало озера; в нем отражаются серебристые облака и сосны.

— Раньше здесь добывали мрамор взрывами, — поясняет Владимир Алексеевич. — Год от года вгрызались глубже и глубже в землю... Но потом инженеры заупрямились: зачем извлекать камень по вертикали — на-гора, если можно разрабатывать его на поверхности. Разведали новое месторождение, где порода залегает на десятки метров в глубину и далеко вокруг. Запасы неисчерпаемые, мрамор отличного качества. Теперь ломают только верхние пласты породы — по горизонтали. Быстро и дешево!

Пронзительный свисток прерывает разговор, заставляет взглянуть на подножие горы. Там паровоз тянет платформы, груженные щебенкой.

— Отходы... — объясняет Соколов. — Мелкий камень, негодный для известковых печей. Накапливается — девать некуда. Хорошо, дорожники выручают, вывозят куда-то для своих нужд.

Почему судьба так неблагосклонна к благородному минералу, из которого создано столько величайших произведений искусств? Неужели красота его стала ненужной и должна навеки отступить перед более важным прозаическим делом?

Талантливые карельские кустари умели изготовлять из мрамора множество художественных бытовых предметов: вазы, подставки для часов, шахматные доски, пепельницы, различные мелкие украшения.

А сейчас красивейший минерал используется только для изготовления извести. Почему? Этот вопрос невольно возникает, когда наблюдаешь за работой новых Рускеальских домок.

Сквозь стволы поредевших сосен видно открытое, похожее на полигон поле. Здесь, как на настоящем полигоне, есть капонир для защиты людей от каменного обстрела во время очередного взрыва, когда градом падают осколки.

Взрыв... И, как обычно при взрывах большой силы, земля вздыбилась и поднялась гигантским грибом, а над всем нависло облако то ли от дыма взрывчатки, то ли просто от пыли.

Не удивительно, что возникли разговоры о «трещиноватости» рускеальского мрамора. От таких взрывов, небось, и сталь станет «трещиноватой»...

Еще не рассеялось дымное облако, как из боковой просеки ринулись мощные автосамосвалы. Экскаватор схватывает огромные камни, с неожиданной ловкостью поворачивается в сторону подъехавшего самосвала и разжимает свои стальные челюсти. С грохотом сыплется камень. Началась погрузка...

Когда разговор заходит об использовании местного мрамора, любят ссылаться на отсутствие транспорта. Но эти доводы не убедительны. Ведь даже более ста лет назад, при полном бездорожье, не имея машин, пользуясь только «тягловой силой», из Карелии сумели вывезти 27 крупных монолитов малинового шокшинского порфира. И не куда-нибудь за сотни километров, а в Париж для саркофага над могилой Наполеона Бонапарта.

Ярко светит полуденное солнце. Вокруг — лесной покой. Все располагает скорее к лирике, чем к беседе о камнях. Однако у молодого ученого, видно, на душе так наболело, что он не может не высказаться.

— Ювелирные камни принято считать драгоценными, — говорит Соколов. — Драгоценность их условна и относительна, все же сначала скажу о них. Гранат... Все знают, этот темно-красный камень особенно красив в браслетах, ожерельях, перстнях. Но специалисты ценят гранат и как абразив для шлифовки и полировки. Ведь гранат очень тверд, он может оставить царапину на стекле и даже на кварце. Неутомимый разведчик новых месторождений профессор Борисов открыл богатейшие запасы граната на побережье Белого моря.

Собеседник закуривает папиросу и, выпустив густым клубом дыма, продолжает с нескрываемой досадой:

— В устье реки Шуи несколько лет назад начали было заниматься гранатовой породой. Заготовили целые штабеля. Ленинградская фабрика «Русские самоцветы» отобрала там для шлифовки множество отличных камней... И что вы думаете? На этом все дело и кончилось!

Камни Карелии очень разнообразны по расцветке. Нежно-голубой «лунный камень», фиолетовый хрусталь-аметист, «письменный камень», названный так потому, что на его дымчато-серых кристаллах проступают закорючки, похожие на древние письмена. Карелия может в избытке снабжать этими минералами ювелиров и художественных кустарей. Или возьмем, к примеру, самый простой пегматит, из которого изготовляют фарфор. Чего только не делают из него: чашки, тарелки, штепсели, изоляторы, выключатели и множество других предметов электротехники. Химики не могут обойтись без фарфора, стойкого против действия щелочей и кислот. Зубные врачи не могут без него лечить зубы. Кажется, нет такой отрасли, где бы не требовался фарфор. Так вот этого самого пегматита здесь, как говорится, девать некуда. Карелия снабжает им всю фарфоровую промышленность страны. Но в самой Карельской АССР до сих пор нет ни одного керамического предприятия. Разве это по-хозяйски?

Особенно же богата республика гранитом. На выбор, любого цвета. Есть в Карелии и своеобразный минерал, который геолог Иностранцев открыл в Заонежье возле Шуньги и потому назвал его шунгитом. Шунгит черен, смолист, блестящ, похож на антрацит. И в самом деле, он вполне годится как топливо и для газификации. Кроме того, шунгит — отличное удобрение для наших полей и превосходный строительный материал — заменитель цемента. Сейчас, когда декабрьский Пленум ЦК КПСС с особой остротой поставил вопрос о развертывании промышленности строительных материалов, настала пора заняться изучением нового материала.

В Карелии огромные залежи природных красок: охры, мумии и сурика. Добыча красок также не организована.

Давно когда-то, еще в Петербурге, существовал заводик, изготовлявший из шунгита типографскую краску высшего сорта — «слоновую кость». В двадцатых годах пытались было наладить производство черных красок в самой Шуньге и в Петрозаводске. Дело не пошло на лад, и его забросили... Тогда техника находилась в младенческом состоянии. А теперь, когда у нас выросла и окрепла горнорудная и химическая промышленность, — разве можно не использовать такие великолепные природные залежи?

Чтобы выяснить эти вопросы, мне пришлось побывать в ряде республиканских организаций.

— Строительство, особенно жилищное, приобретает у нас все больший размах, — сказал начальник управления по делам строительства и архитектуры Совета Министров Карельской АССР тов. Соломонов. — Потребность в таких материалах, как камень и известь, очень велика. Но снабжающие организации плохо удовлетворяют нужды наших строек.

Иное пришлось услышать в Министерстве местной промышленности, кстати, находящемся рядом, в том же доме. На вопрос, как используются местные ресурсы для строительных материалов, заместитель министра тов. Павлов ответил буквально следующее:

— Известь никому не нужна!

— Как так?

— Да, да! Мы заготовили 900 тонн, но никто ее не берет.

— Ну, а что делается для изготовления минеральных красок?

— Ничего... Хотя мы имеем некоторые идеи... Хотим, например, построить лакокрасочный завод... Правда, пока к этому делу еще не приступали...

— Известь, заготовленную местной промышленностью, — сказал главный инженер управления промышленности строительных материалов тов. Патрин, — действительно, не берут, так как она находится «в глубинке». Строители предпочитают получать известь нашу прямо из вагонов. Мы делаем ее возле Беломорска и в Архангельской области. Привозим оттуда.

— Далековато...

— Что поделаешь, потребность в нужных материалах выросла колоссально.

— А как насчет шунгита? Собираетесь разрабатывать?

— Нет, шунгит — не наш профиль. Этим интересным минералом следовало бы заняться местной промышленности.

Недостаточное внимание и несогласованность действий местных организаций — вот главное, что мешает использованию богатств карельских недр.

Устранить это препятствие, право, нетрудно. А природа тогда бы вознаградила сторицей...

ПЕТРОЗАВОДСК

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «КОНЬКА-ГОРБУНКА»

Есть книги для детей, которые переиздаются постоянно. Больше всего это относится к сказкам и, в частности, к одной из самых любимых детьми сказок — «Коньк-Горбунок».

Больше ста лет живет в народе эта книга. Впервые она была издана в полном виде, без цензурных купюр, в 1856 году. С тех пор она выдержала множество изданий в нашей стране и за границей.

Почти ежегодно Детгиз выпускает это классическое произведение П. Ершова. Только за последние десять лет оно выходило в разных оформлениях восемь раз. В прошлом году «Конек-Горбунок» был издан с иллюстрациями В. Милашевского, 200-тысячный тираж разошелся мгновенно. Вероятно, так же быстро разойдется и новое 400-тысячное издание «Конька-Горбунка», выпущенное на днях Детгизом с большим количеством иллюстраций молодого талантливого башкирского художника Р. Сайфуллина.

«ИЗБРАННОЕ» КАЛИДАСЫ

В прошлом году народы Советского Союза отмечали одну из славных в истории мировой культуры дат — юбилей великого поэта Индии Калидасы, творчество которого живет вот уже полтора тысячелетия.

Произведения Калидасы стали известны в Европе в XVIII веке: первый русский перевод его сочинений появился в 1792 году. Он принадлежит известному нашему историку Н. Карамзину, опубликовавшему сцены из драмы «Сакунтала».

САКУНТАЛА

На днях Государственное издательство художественной литературы выпустило «Избранное» Калидасы, включающее его драмы «Малявика и Агнимитра», «Сакунтала», «Мужеством добытая Урваси» — в переводах К. Бальмонта и позму «Облако-вестник» (перевод П. Риттера). Книга оформлена художником В. Эльконины.

«САД И ВЕСНА»

Мир Амман — индийский писатель начала XIX века. Его книга «Сад и весна» — одно из первых прозаических произведений на языке урду, получивших широкое признание. В увлекательной, написанной образным языком книге «Сад и весна» использован известный в Индии сюжет истории четырех дервишей. Это своеобразная форма восточного романа, граничащего с волшебной сказкой.

Интересна история названия книги: каждая буква арабского алфавита обозначает одновременно и определенное число. Сумма числовых значений букв, входящих в слова «Сад и весна», составляет 1217 — год написания этого произведения (по мусульманскому летосчислению).

«Всякий, кто прочтет эту книжку, словно совершит прогулку по саду»,— пишет автор.

В прошлом году Гослитиздат выпустил много сборников сказок — украинских, сербских, индийских, индонезийских, персидских, египетских и арабских. А недавно вышли «Чешские народные сказки».

В них больше пятидесяти произведений, взятых из сборников собирателей чешского фольклора Бенеша Метода Кульды (издание 1874 года) и Йозефа Штефана Кубина (издание 1950 года). Обложка и иллюстрации выполнены художником Б. Свешниковым.

Вам, юные романтики!

О выходе нового журнала я узнал случайно. Поздней осенью прошлого года мне пришлось быть во Владимире. Ожидая троллейбуса на заводской площади, я увидел, как стайка школьников, торопливо соскочив с подошедшей машины, бегом направилась к газетному киоску. Несколько голосов одновременно прокричало, обращаясь к киоскерше: «Второй номер «Юного техника» есть?»

Как были огорчены ребята, получив отрицательный ответ! С любопытством я спросил одного школьника:

— Что же в этом журнале интересного?

— Все интересно!

— Такие статейки есть, что от них не оторвешься, — добавил другой. — Почти все новое. Есть такие вещи, что о них даже взрослые не знают.

Я мысленно согласился с юными рецензентами. Да, в новом журнале было много страниц, от которых не оторвешься, тех страниц, что обогащают знаниями и, самое главное, зарождают желание **изведать, дерзать, создавать.**

Знакомясь с журналом, я понял, почему с таким нетерпением ждали юные читатели выхода второго номера. Ну, как сдержать любознательность, когда разговор идет о том, как советские академики И. Е. Тамм и А. Д. Сахаров создали сосуд... без стенок, в котором хранится «звездное вещество»; когда рассказывается об «ободранных ядрах» и таких термоядерных реакциях, над тайнами которых еще не приподняли завесу.

Редакция журнала правильно поступила, открыв первый номер содержательным, ярким очерком Олега Писаржевского «Как было изготовлено звездное вещество». А вслед за этим — беседы с академиками, технологами, новаторами, очерки, рассказы и даже сказки, которые вводят юных читателей в удивительный мир науки и техники, простирающийся далеко за пределы школьных программ.

Вместе с инженером Б. Левитиным читатель улетает в заоблачные высоты с такой стремительной скоростью, что даже воздух вокруг воздушного корабля начинает сжижаться. И одновременно читатель восхищается, когда геологи по методу академика А. П. Виноградова, с помощью скромных цветков разыскивают месторождения никелевых руд, залежи золота и вольфрама, хрома и урана.

Трудно пересказать все интересное, что опубликовано в четырех номерах «Юного техника» за 1956 год. Для этого пришлось бы аннотировать добрую половину всех статей и очерков.

Но в журнале не только статьи, очерки и рассказы, в нем «клуб», «лекторий», «музей», «экскурсионное бюро», «мастерская»...

Не все отделы журнала определили свой жанр, не все статьи написаны занимательно и доступно.

Не отвечают задачам журнала статьи в разделе экскурсий. Авторы материалов, помещенных в этом разделе, оказались в довольно затруднительном положении. На двух-трех страничках они должны были рассказать о множестве сложных машин и станков, механизмов и приспособлений. В результате вместо интересных экскурсий — сложный перечень машин, который у юного читателя вызовет сто тысяч «как», сто тысяч «что», сто тысяч «почему».

Литературный отдел журнала еще не оформился. В нем запоминается лишь замечательная сказка о мыльных пузырях Евгения Пермяка.

Интересные рассказы авиаконструктора А. Яковлева, токаря В. Семинского принесли бы еще большую пользу, если бы в них шла речь не только о пути к профессии, но и о перспективах ее.

Журнал молод, он в процессе становления и поисков своего лица. Это дело сложное и многотрудное. Оно не завершится даже с выходом, скажем, двадцатого или двадцать пятого номера, но уже сейчас ясно, что журнал делает большое, полезное дело. Самое главное, что страницы его прививают юным читателям **романтическую влюбленность в технику**, с которой они не расстанутся на протяжении всей жизни. И напрасно некоторые педагоги предлагают сделать журнал «подсобным изданием» для школы: помещать в нем задачи по физике, химии, математике, чертежи моделей самолетов, паровозов, тракторов. Этим занимаются другие издания.

Хочется пожелать, чтобы наши полиграфисты лучше оформляли журналы для юношества. Краски в «Юном технике» аляповаты, тона их невыразительны и нередко искажают представления о натуральном цвете вещей.

Георгий МАРЯГИН

В МИНИСТЕРСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ СССР

В соответствии с поручением Правительства Министерством государственного контроля СССР произведена проверка выполнения министерствами и ведомствами решений Совета Министров СССР о недопущении загрязнения рек и других водоемов неочищенными промышленными сточными водами.

В результате проверки установлено, что предприятия ряда министерств, в частности предприятия Министерства нефтяной промышленности СССР, Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР, Министерства химической промышленности, Министерства черной металлургии СССР, Министерства цветной металлургии СССР и Министерства легкой промышленности СССР, не принимают должных мер к выполнению решений Правительства СССР об очистке промышленных сточных вод, что наносит серьезный ущерб народному хозяйству, особенно рыбной промышленности.

Предусмотренное планами строительство очистных сооружений ведется неудовлетворительно, а выделенные на эти цели средства полностью не осваиваются.

В связи с невыполнением работ по строительству очистных сооружений загрязняются воды реки Волги в зоне гг. Ярославля, Куйбышева, Саратова и Сталинграда, реки Днепра у гг. Запорожья, Херсона, Днепропетровска, а также водоемов в зоне г. Риги. Допускается значительный сброс неочищенных промышленных сточных вод в зоне г. Омска.

Главная государственная санитарная инспекция Министерства здравоохранения СССР неудовлетворительно выполняет свои функции по санитарной охране водоемов и не обеспечивает контроля за выполнением соответствующих решений Правительства. Между тем Главная государственная санитарная инспекция и ее местные органы должны нести ответственность за неослабный надзор в отношении санитарного состояния рек.

В ходе проверки Министерством государственного контроля СССР обращено внимание руководителей ряда министерств и предприятий на необходимость быстрейшего выполнения решений Правительства СССР об очистке промышленных сточных вод и о санитарной охране водных источников. Одновременно с этим Министерством государственного контроля СССР наложены дисциплинарные взыскания на некоторых руководящих работников, виновных в нарушении решений Правительства СССР о прекращении загрязнения рек. В частности, объявлен выговор управляющему трестом Министерства строительства предприятий нефтяной промышленности т. Визиряну, заместителю директора Ярославского нефтеперерабатывающего завода т. Дырда, директору Сталинградского гидролизного завода Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР т. Мартышу, строгий выговор — директору Кемеровского коксохимического завода Министерства черной металлургии СССР т. Куминову, директору завода Министерства легкой промышленности СССР т. Анкудинову и некоторым другим должностным лицам.

Живой Глинка

Столетие со дня смерти! С трудом верится, что целый век отделяет нас от Глинки, — таким живым, нашим, необходимым сегодня воспринимаешь его и его музыку. Чье сердце не обливается слезами в минуты прощанья Сусанина с любимой Антонидушкой? Разве хоть на секунду испытываешь холодок исторической дистанции, когда летишь на крыльях увертюры «Руслана»? И только ли о сказочном витязе помышляешь, когда глубокий рейзеновский бас начинает скорбный рассказ о поле, усеянном мертвыми костями, а в оркестре идут потрясающие душу, полные величия аккорды... Сидишь и боишься пропустить хоть звук из этой бессмертной арии; затаив дыхание, с трепетом ждешь и предвкушаешь приход несказанно чудной мелодии, написанной на несказанно чудные пушкинские слова — «И струны громкие Баянов не будут говорить о нем...» Вечно молодая музыка! Какое счастье, что она есть у нас, что музыка эта в нашей стране отдана народу, что пришла пора, о которой мечтали лучшие люди нашей Родины, когда музыкальное понимание поднялось на невиданную высоту и Россия жадно припала к Глинке. Только тот, кто до семнадцатого года слушал и видел на сцене «Жизнь за царя», может до конца оценить спасительную перемену и реконструкцию, превратившую «Жизнь за царя» в «Ивана Сусанина», навсегда освободившую Глинку от сомнительной чести соавторства и «опеки» барона Розена. И в этом поистине историческая заслуга советского театра.

Но дело не только в непосредственном эстетическом наслаждении, которое миллионам людей дает нынче музыка Глинки. Наследие Глинки — это великая школа для советских музыкантов, целая консерватория, — закончить ее курс не хватит и целой жизни. Чайковский, как известно, говорил, что в «Камаринской» Глинки, как дуб в желуде, заключена была вся будущая русская симфоническая музыка. Но разве «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила» не были такими же «желудями» для всей будущей русской оперной музыки? Нельзя не видеть того огромного и благотворнейшего влияния, которое Глинка оказал и оказывает в наши дни на симфоническое, оперное и балетное творчество советских композиторов. Один «Руслан» в этом смысле сыграл до сих пор еще полностью не оцененную роль в развитии оперных культур, например, наших братских советских народов. Эпические, исторические, сказочные оперы в национальных театрах Советского Союза, как ни несовершенны они порой бывают, — все они правнуки «Руслана» и эпической музыкальной драматургии «кучкистов», в свою очередь рожденной тем же «Русланом».

В творческом освоении наследия Глинки у нас есть бесспорные успехи. Но успехи эти могли бы быть куда большими, если бы теоретическое осмысление эстетики Глинки не отставало от практики, если бы в нашем музыковедении все еще не бытовали доктринерские, суженные представления о Глинке.

Нам и в наших книгах о Глинке нужен он — живой, подлинный, сложный! Нам нужен Глинка, указывающий путь новаторству, помогающий в новых исторических условиях решать важнейшие проблемы народности музыки и особенно оперы. Разве не стал «Иван Сусанин» вечным образцом смелого, глубокого, классического решения этой проблемы? Разве не явился он непреходящим в своем значении примером воплощения в опере знаменитой пушкинской формулы о единстве судьбы человеческой и судьбы народной?

Приглядимся, как любопытно в опере Глинки решается проблема личности в истории. Разве не поразительно, что в «Иване Сусанине» среди русских действующих лиц нет господ: русский крестьянин, его сметка, его большое сердце, его самопожертвование спасает Родину. Не бары, не цари или князья, не высокие правители или военачальники делают историю, а именно народ: Сусанин и является простым человеком из народа, действующим бескорыстно, свободно, как гражданин отчизны, единственно по велению своей совести, по долгу патриота. Свободный крестьянин — таков Сусанин у Глинки.

Оперу Глинки принято — и это стало чуть ли не обязательным каноном — прямо связывать с прославленной «думой» Рылеева об Иване Сусанине. Забывается при этом, какие «поправки» вносит Глинка в рылеевский сюжет. Глинка с гениальной прозорливостью вводит в музыку своей оперы народ, отсутствующий у Рылеева: так раскрываются средствами музыки народность Сусанина, великая коллективность, соборность его подвига. Когда в третьем действии Сусанин гордо и смело бросает в лицо ворвавшимся в избу врагам: «Страха не страшусь, смерти не боюсь!» — мотив, который в интродукции, оперы пел весь крестьянский мир села Домнино, — Иван Сусанин выступает как представитель этого мира.

Так в музыке — и это, пожалуй, наиболее возможно именно в ней — перед нами свершается таинство воссоединения отдельного, «единичного» героя с народом. В течение всей оперы в музыке постепенно формируется, выкристаллизовывается новый мотив, новая тема — тема «Славься». Именно оттого, что мотив этот вырастал, главным образом, в партии Сусанина, «Славься», звучащее в апофеозе, после смерти героя, когда трагедия уже закончена, воспринимается нами одновременно и как всенародный гимн, и как личный мотив самого Сусанина, как тема его бессмертия. Сусанин у Глинки, вышедший, выделившийся на миг из толщи народа, свершивший от имени народа свой подвиг, «возвращается» в народ, навсегда растворяется в народной стихии.

Такова идея «Ивана Сусанина» Глинки, далеко ушедшего вперед от «Думы» Рылеева. Эта неслыханная по тем временам для оперы идея произведения определила все новаторское драматургическое построение оперы Глинки. Это было и смелым новаторским решением проблемы народности.

Для решения новых идейных и художественных задач Глинке потребовались и новая техника, и иные приемы композиции, и обновление музыкального языка. И в этом смысле Глинка начинал новый этап, новую эпоху в музыке. Чем же отличалась музыка Глинки от прежних русских опер? Что нового несла она?

Любопытно привести здесь цитату из статьи 1837 года: «Глинка в опере своей первый дал мелодии права гражданства в русской опере и, доказав, что речитатив столь же свойственен гармоническому русскому языку, как и итальянскому, заронил свои прекрасные мотивы в душу каждого и сделал их народными... Верстовский часто брал народные песни и обращал их в оперные мотивы, и они пропадали. Глинка создавал русские мотивы — и они сделались народными песнями. Так и быть надлежало: там насиловали народный мотив, чтоб упрятать его в мерную форму; здесь давали мотиву полный разгул и свободу, как будто он сейчас только вылетел из груди народного импровизатора».

Народный элемент у Глинки был лишен налета мелодраматизма — Глинка шел к эпическому. Чудесно сказал Одоевский, что в Сусанине народный мотив поднят был до трагедии.

Из книги в книгу, из статьи в статью переходят слова Глинки: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». Это высказывание Глинки можно истолковывать по-разному. При известном желании его можно повернуть и в сторону оправдания упрощенности: бери народные песни, подписывай бас, самую простенькую гармонию — и все. Но Глинка — что совершенно неоспоримо — понимал эти слова в более общем, обширном и глубоко философском плане. Для Глинки композитор — это сын народа, его представитель, выразитель его чаяний, идей и чувств. И эти чаяния, идеи, чувства, составляющие содержание музыки, которое зреет в глубинах народного духа, требуя своего воплощения, и дает своему художнику народ, а мастер-художник это содержание оформляет, «записывает», «аранжирует». Так мыслили и говорили все передовые русские художники той поры, и разве не то же имел в виду Белинский, когда писал: «Народ относится к своим великим людям, как почва к растениям, которые производит она». В другой статье он же утверждал: «поэту принадлежит форма, а содержание — истории и действительности его народа». Художник и его творения должны быть цветком и плодом народной почвы — таков истинный смысл высказывания Глинки, приводимого Серовым. Именно в этом фигуральном смысле следует понимать и слово «аранжируем». Глинка был аранжировщиком народных идей, а не народных песен. В «Иване Сусанине», как известно, Глинка к цитированию народных песен почти вовсе не прибегал: ему это не было нужно, ибо сам он говорил на чистейшем русском народном музыкальном языке. А там и тогда, когда великий композитор брал народные мотивы, он на их основе, преодолевая узкую жанровость, создавал народные поэмы, картины, поражающие не только верностью передачи духа и колорита, но и по-пушкински постигнутой народной психологией. Таковы и «Камаринская», и испанские увертюры, и т. д.

Небесполезно напомнить и о другом важнейшем высказывании Глинки. Он утверждал, что «можно связать фугу западную с условиями нашей музыки узами законного брака». Говоря так, Глинка закладывал основы плодотворной дружбы двух демократических музыкальных культур — русской и немецкой. В то же время эти слова звали и зовут русских музыкантов к вершинам мастерства. В великолепном, свободном владении всеми тайнами композиторского искусства видел он единственный и настоящий путь к **простоте**, к созданию музыки, «равно докладной» и для специалистов, и для широкой публики.

Когда пишут и говорят об отношении в свое время «высших сфер» к музыке Глинки в «Иване Сусанине», обычно ограничиваются сакраментальными словами: «кучерская музыка», но забывают, что музыка Глинки была для определенных слоев публики неприемлемой еще и потому, что она была «ученой». Точнее, таким образом, было бы сказать, что музыка Глинки была слишком «кучерско-ученой». И как же тонко и точно определил в этом смысле значение «Ивана Сусанина» Белинский: «Появление множества романов, драм и повестей с содержанием из русской жизни, опера «Жизнь за царя», выразившая стремление воспользоваться в ученой музыке элементами народной музыки, все это добро, все это благо, и все это есть ручательство и залог прекрасной будущности, начало новой, прекрасной жизни». Демократизм и ученость, то есть мастерство, — у Глинки не противостоящие понятия, а сливающиеся, неразрывно связанные друг с другом. И как важно, чтобы этот урок, этот завет Глинки был по-настоящему усвоен мастерами советской музыки! Демократизм, свидетельствует творчество Глинки, — это вовсе не опрощение и не упрощение. Великое содержание — близкое, понятное, нужное народу и высочайшее, кристально прозрачное композиторское мастерство, вобравшее в себя и переработавшее все лучшее и передовое в современном искусстве, — вот что делало Глинку настоящим творческим национальным гением России, ставшим наряду — по словам Чайковского — «с Моцартом, с Бетховеном и с кем угодно»...

Музыкальный критик Феофил Толстой, более известный под псевдонимом Ростислав, чрезвычайно досаждал и докучал Глинке. Поясняя глинкинскую «Камаринскую» — «знаменитый (!) наш критик по глубокому (!) пластическому воззрению не нашел ничего лучше и умнее, как только то, что пьяный де толчется в дверь», Ростислав читал Глинке и свой разбор оперы «Иван Сусанин». Глинка нашел, что разбор цели не достигает. «Нет, любезнейший, — сказал он в заключение: — так рецензии писать не следует; взялся за критику, так и пиши правду-матку, а похвалой никого не удивишь».

А. Серов в Феофиле Толстом и его критической манере видел образ и явление типические, он, как известно, нашел Феофилыча, например, и во... Франции («Парижский Феофилыч»). Феофилычи, как тип музыкального критика, перевелись на нашей земле. Но их манера, стиль критики в виде узкого ограниченного доктринерства, произвольный и вульгарный подход к музыкальному сочинению, навязывание своих домыслов композиторам — все это еще встречается в нашей музыковедческой практике.

И тут мысли Глинки о взаимоотношениях критики и композиторов остаются для нас острыми и злободневными.

Так глинкинская школа, глинкинская «консерватория» оказываются важны не только для композиторов, но и для наших музыковедов. Так Глинка входит в нашу музыкальную жизнь, берет слово в наших спорах.

Герцен говорил, что классика для человечества — это «оселок, на котором оно пробует силу возраста». На Глинке мы можем пробовать силу возраста нашей музыки. Ныне это для нас особенно важно — ведь через несколько недель на съезде композиторов мы будем подводить итоги сорокалетнего развития советской музыкальной культуры. И в эти важные для нас дни мы найдем в Глинке строгого учителя, взыскательного помощника и доброго друга.

М. СОКОЛЬСКИЙ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

„Книги о Сибири — читателям"

Под таким заголовком в № 115 «Литературной газеты» за прошлый год была напечатана статья К. Лисовского, Е. Лучинецкого и С. Омбыш-Кузнецова. Как сообщил редакции директор Москниготорга С. Поливановский, в статье правильно и своевременно ставится вопрос о необходимости усиления торговли в Москве литературой о Сибири.

Факт отказа со стороны магазина № 39 от литературы, заказанной Главкниготоргом в Новосибирском издательстве, действительно имел место.

Однако следует отметить, что авторы статьи допустили некоторые неточности. В статье говорится, что в 1956 году Москниготорг «не сделал ни одной заявки на книги сибирских писателей». В действительности по тематическому плану Новосибирского книжного издательства на 1956 год Москниготоргом было заказано различной литературы на сумму 574 тыс. рублей.

Кроме того, магазином № 39 Москниготорга (ВСХВ) было в 1956 году заказано Новосибирскому книготоргу 81 название различных книг, всего 28 400 экземпляров. В 1956 году были сделаны заказы и другим сибирским и дальневосточным издательствам. Центральным издательствам Москниготоргом в 1956 году заказано 45 названий книг о Сибири. Это главным образом краеведческая и сельскохозяйственная литература. Книга «Слово о Сибири» была заказана Новосибирскому книготоргу в количестве 500 экземпляров еще в январе 1956 года.

В целях усиления связи с книжными издательствами Сибири Москниготоргом запрошена от них широкая информация о выпускаемой в 1957 году литературе. Тематические планы сибирских издательств на 1957 год будут внимательно изучены, и на все книги, которые будут пользоваться в Москве спросом, будут даны заказы.

ДОРОГА ЧЕСТИ

Героическая борьба народной Испании против объединенных сил мировой реакции породила, как известно, обширную литературу. Незабываемым событиям тех дней посвящено немало произведений, особенно советскими литераторами. Достаточно вспомнить «Испанский закал» и «Что человеку надо» Ильи Эренбурга, «Испанский дневник» Михаила Кольцова, «Счастье Картахены» и другие рассказы О. Савича, ряд прекрасных стихов наших поэтов.

Теперь советская литература о борьбе народной Испании обогатилась еще одной хорошей книгой. Мы имеем в виду книгу Раисы Азарх «Дорога чести», являющуюся первой частью большой эпопеи, над которой сейчас работает автор. «Дорога чести», по определению самого автора, относится к разряду «романов-хроник», и с этой характеристикой книги нельзя не согласиться. Действительно, «Дорога чести», описывающая пребывание в Испании и участие в борьбе испанского народа советской женщины Эрны Лорич (в которой всякий, кому довелось быть в Мадриде в 1936—1937 гг., легко узнает автора), представляет собою хронику боевых действий на испанском фронте с декабря 1936-го по конец февраля 1937 года, написанную «бывалым человеком». С другой стороны, эта хроника облечена в такую живую форму, читается с таким интересом, что с полным правом может быть причислена к жанру романа.

В чем же заключаются основные положительные свойства романа-хроники Р. Азарх? В том, что эта книга большой правды. Читая ее, невольно вспоминаешь стихи Блока: «узнаю тебя, начало высоких и мятежных дней!»—так верно передана в ней напряженная, исполненная героической патетики атмосфера тех незабываемых лет. С первой и до последней своей строки книга проникнута горячей симпатией к борющемуся испанскому народу, к героическим бойцам интербригад и к лучшим их представителям, таким, как генералы Лукач (Матэ Залка), Вальтер (Кароль Сверчевский), — ко всем этим мужественным и благородным людям, исполненным сознания правоты того дела, за которое идет борьба. Именно этот живой энтузиазм и делает книгу Р. Азарх цельной по мысли, придает ей внутреннюю стройность.

Главное действующее лицо книги — Эрна Лорич, работающая в качестве советника при министре здравоохранения республиканского правительства Испании. Но, по существу, подлинные герои романа-хроники — это борющийся испанский народ и бойцы интернациональных бригад, пришедшие к нему на помощь в годы его тяжелой схватки с силами мирового фашизма. Р. Азарх — убежденный враг не только всякой лакировки, и тем более очернения (столь частых даже у передовых писателей Западной Европы и Америки в их изображении событий 1936—1939 гг.), но и всяких затертых штампов и громких фраз. Она искренне восхищается душевными качествами простых людей Испании—их горячей любовью к своей чудесной родине, их благородством и высоким боевым духом. С другой стороны, она не скрывает от читателя огромных трудностей, стоявших на пути создания в Испании Народной армии, трудностей, в значительной степени объяснявшихся анархическими навыками, коренившимися в народной среде и, особенно, в кругах испанской интеллигенции. И здесь хочется выделить те страницы романа-хроники Р. Азарх, где она говорит об организационной и воспитательной работе Компартии Испании. Руководителей компартии — Пассионарию, полководцев Листера, Модесто и других писательница показывает крупным планом, во весь рост.

Но не только к простым людям Испании, к ее народу с такой проникновенной любовью относится автор. Р. Азарх любит «испанскую землю», с ее разнообразными ландшафтами, с пышным великолепием валенсийской Уэрты, с каменистой, выжженной солнцем Кастильской степью, с испанскими соснами и маслинами, с теплым южным морем.

Просто, правдиво и убедительно показаны в «Дороге чести» бойцы интернациональных бригад. Пламенное чувство интернациональной солидарности побуждало революционеров со всех концов мира оказывать братскую помощь героям испанского сопротивления. Среди интербригадовцев были люди различных убеждений и настроений, зачастую нуждавшиеся в перевоспитании, анархисты по складу своего ума. И тем ценней те страницы романа-хроники, где рассказывается о том, как под влиянием генерала Лукача и других замечательных революционных полководцев люди превращались в стойких бойцов, с беззаветной храбростью отдававших свою жизнь за дело передового человечества.

Вторая часть романа-хроники Р. Азарх посвящена первому крупному успеху Народной испанской армии — победе на реке Харама. Эти главы представляют большой познавательный интерес. Харамская операция, в силу сложности военной обстановки того времени и противоречивости суждений о ходе битвы, очень трудна для понимания и анализа, и здесь всякое свидетельство участника боев существенно важно. И в этой же второй части романа-хроники читатель с глубоким волнением прочтет о героической борьбе, ранении и гибели советских летчиков и танкистов, своими действиями способствовавших достижению победы.

Нам хочется в заключение особо отметить батальные сцены. В романе их много, и в них веришь. Это не тот холодный огонь, который часто рассыпают наши авторы, не бывавшие на войне, но пишущие о ней. Раиса Азарх рассказывает о боях просто и скупо, но в этой скупости и простоте таится большая сила.

Таковы достоинства интересной книги Раисы Азарх. Мы уверены, что «Дорога чести» встретит теплый прием у нашего читателя.

Ф. КЕЛЬИН

Раиса Азарх. «Дорога чести». Роман-хроника. Книга первая. «Советский писатель», Москва. 1956. 234 стр.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

«ПРЕТКНОВЕНЬЕ РАССУДКА»...

Свердловское книжное издательство выпустило в 1956 году книгу Генриха Манна — «Юность короля Генриха IV» (перевод Е. Садовского, редактор Т. Раздьяконова).

Перевод настолько плох, что нужно обладать исключительным терпением, чтобы заставить себя прочесть эту книгу до конца. Мы уже не говорим о том, что в переводе утеряны особенности своеобразного стиля Г. Манна. Перевод заставляет усомниться в знании Е. Садовским не только немецкого, но и русского языка. Там, где переводчик не понимает автора, он переводит его дословно, предлагая читателю, по существу, не художественный текст, а подстрочник. Не понятые переводчиком места сразу бросаются в глаза. На странице 386 читаем: «Сад нам сегодня кажется глубже, сумрак тишком уносит его из пространства и строя. Даже каменная женщина, льющая из своей посудины воду, на ней тоже лежат тени вечерних кустов, отнимая у нее превосходства белизны и блистательности».

Переводчик прибегает к словотворчеству, употребляет отжившие и просторечные, зачастую малопонятные слова и выражения: «со вчера», «источали... алчбу» (?), «тишком», «волжба», «трюхает», «кажет», «промеж», «присутственны», «навести страху», «преткновенье рассудка» и т. п.

Е. Садовский пытается, по-видимому, воспроизвести манеру изложения автора. Но читатель отказывается верить в то, что Г. Манн писал так бессвязно и неграмотно.

Например, мысли Генриха IV изложены так (стр. 343): «Я покажу им, что я сын их королевы Жанны. Не то, что неповеда! Или тщеславный Голиаф! Потому что я знаю. Школа всё ж не была напрасна. Я знаю: это королевство объединю я!» Аксентий Иванович Поприщин у Н. В. Гоголя излагал свои бредовые идеи более связно, чем король Наварры.

Обращает на себя внимание и пунктуация; она настолько «смысловая», что, выражаясь словами переводчика, испытываешь то и дело «преткновенье рассудка».

Нельзя ли избавить читателей от таких «художественных» переводов, при чтении которых «ужас проникает человеческое тело»...

За перевод художественного произведения отвечают и переводчик, и издательство, поэтому нам и непонятно, как могли свердловские издатели предложить читателям такой вопиющий брак!

А. ГРАВЕС

г. КАРПИНСК,
Свердловская область

ОБЩЕСТВО «ИТАЛИЯ — СССР», ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ОРАЦИО БАРБЬЕРИ

Дорогие друзья! Глубоко опечалены, переживаем вместе с вами кончину выдающегося ученого и большого друга Советского Союза Кончетто Маркези.

По поручению правления Союза писателей СССР
секретарь правления Борис ПОЛЕВОЙ

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕТРАДКИ

В книжных магазинах Украины продаются небольшие стихотворные сборники. Они привлекают внимание покупателей своими разноцветными обложками с непременной веткой — березы, вербы или другого растения. Эти тоненькие книжечки — им больше подходит название поэтических тетрадок — охотно раскупаются, хотя имена их авторов мало знакомы широкому кругу читателей. Так издаются первые книги поэтов, людей разных возрастов и профессий. Каждая книжечка объемом в один-два печатных листа выпускается тиражом в несколько тысяч экземпляров и стоит от 40 копеек до 1 рубля. Выпускаются они на украинском и русском языках.

Издательство «Радянський письменник» уже выпустило первые десять книжек. В эту серию вошли сборники «Мирные дни» В. Гуртовенко, «Дорогою в поле» М. Масло, «Над красавицей Десной» К. Журбы, «Лесная поэма» П. Усачева. «Гуцулы спускаются с гор» О. Мельника, «Путивляночка» О. Палажченко, «Степные рисунки» Л. Кулиша, «Теплый ветер» Н. Миколаенко, «Твой путь далек» Г. Каменной, «Искренний разговор» И. Вылегжанина.

Из кратких биографических справок, помещенных в конце каждой книжки, читатель узнает, что Валерия Гуртовенко — по профессии врач, Михайло Масло работает сельским учителем в Черкасской области, Кузьма Журба — журналист из Чернигова, Олексий Палажченко — бывший партизан-ковпаковец, Петр Усачев — офицер Советской Армии...

В этом году выйдет еще десять книжек.

«ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ИСКУССТВ»

В издательстве «Искусство» вышел из печати и выдается подписчикам первый том «Всеобщей истории искусств». Это шеститомное издание представляет собой историю живописи, графики, скульптуры, архитектуры и прикладного искусства всех веков и народов от древности до наших дней.

Первый том «Всеобщей истории искусств» охватывает древнейшие времена истории мирового искусства, начиная от его возникновения на исходе ледникового периода и кончая III—VI веками нашей эры. Центральное место отдано искусству классической Греции, Древнего Египта и Древнего Китая. Ряд глав посвящен искусству Индии, Китая, Ирана и других государств, а также народов, населявших и населяющих территорию нашей страны.

В томе более 650 иллюстраций, чертежей и карт. Издание предпринято Институтом теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР с участием ученых-искусствоведов из других научных учреждений и крупнейших музеев страны.

Новые стихи

Семен ОЛЕНДЕР

СТАРЫЙ КОМПЛЕКТ

Развернешь комплект газеты старой—
Девятнадцатый, двадцатый год...
Вспомнишь гром царицынских ударов,
Первой Конной армии поход.

Вспомнишь черноморскую блокаду,
Обезлюдевший одесский мол,
Догорающую эстакаду,
Пулемета раскаленный ствол.

Вспомнишь, как в шинелях
не по росту
Комсомольцы дрались за Ростов...
Время говорит с тобою просто
С этих топких выцветших листов.

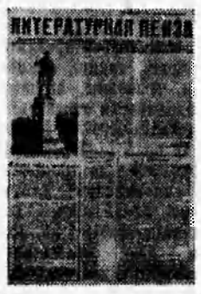
Иван БИТЮКОВ

ДОРОЖНОЕ

За окном приветливая рощица
Машет мне ветвями:
«В добрый путь!»
Глянешь из вагона — так и хочется
Под шатром зеленым отдохнуть.

И совсем как девочки-подростки,
Одиноко вставши в стороне,
Две в ночи озябшие березки
На рассветном греются огне...

«Литературная Пенза»



Пензенские писатели в минувшем году выпустили ряд сборников — фольклора, очерков о Героях Советского Союза, коллективную поэтическую книжку, исторический роман, несколько произведений для детей. За один год в Пензе вышло примерно столько же книг, сколько было издано за шесть послевоенных лет. Следом за очередным номером альманаха «Земля родная» читатели недавно получили однодневную газету областного литобъединения — «Литературная Пенза».

Выпуск такой газеты — явление интересное и важное. Газета помогает литераторам по-хозяйски оглядеть то, что уже сделано ими, укрепить связи с читателем, а заодно воспользоваться новой «площадью», чтобы выступить со своими стихами, рассказами, сатирическими заметками, То, о чем пишут авторы газеты, несомненно, выходит далеко за рамки «чисто литературных» дел. К сорокалетию Октября в Пензе готовятся сборник очерков о старых большевиках и сборник художественных произведений о нашей советской жизни. Многочисленными письмами откликаются слушатели на пензенский радиоальманах. Крепнет дружба с куйбышевцами: литераторы соседствующих областей устраивают творческие встречи, их альманахи и издательства обмениваются наиболее значительными произведениями, книгами. Много дают литераторам встречи с читателями. Побывав в Кузнецке и Каменке, у студентов педагогического института, в рабочих клубах и общежитиях, они не только получили хорошую творческую зарядку, но и смогли яснее увидеть недостатки своей работы, подумать, как их исправить.

Жаль, однако, что среди дельных советов и предложений в «Литературной Пензе» встречаются несколько скоропалительные, не продуманные до конца. Так, сообщается о реорганизации альманаха «Земля родная» в... некую серию тонких брошюр: «Не изменяя существенно годовой листаж альманаха, решено разбить его на четыре выпуска-номера». Предвидя вполне закономерный вопрос: а как же будет с крупной прозой, газета растолковывает: «Повести и романы могут печататься в двух и в крайнем случае — в трех номерах... В творческой продукции пензенских литераторов преобладают как раз малые объемы». Можно только посочувствовать читателю, который в течение года будет охотиться за «выпусками-номерами», чтобы дочитать какую-то повесть, пьесу... Можно посочувствовать и пензенскому литератору, в силу «базисных» обстоятельств навсегда приковванному к «малым объемам»!..

Памяти гениального композитора

ЛЕНИНГРАД. 15 февраля. (Наш корр.). «Нигде меня не любят так, как здесь», — писал М. И. Глинка о Петербурге.

Сто сорок лет назад он впервые приехал в город на Неве. С тех пор жизнь гениального композитора была тесно связана с Петербургом. Здесь были созданы его лучшие произведения. На сцене петербургского Большого театра впервые прозвучали «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила».

В некрополе Александро-Невской лавры покоится прах М. И. Глинки. Сегодня состоялось торжественное возложение венков на его могилу. О Глинке, о великом значении его творчества говорили народная артистка СССР В. Барсова, зам. министра культуры РСФСР И. Кондаков, композитор И. Дзержинский, заслуженный деятель искусств А. Анисимов и другие.

Вечером в Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова и в Малом зале Филармонии, носящем имя гениального композитора, состоятся торжественные заседания; в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и других библиотеках города открылись выставки, посвященные М. И. Глинке.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите выразить через Вашу газету сердечную благодарность всем товарищам, организациям и учреждениям, поздравившим нас с награждением орденами Советского Союза в связи с трудовой победой узбекского народа.

Айбек, Сарвар Азимов, Ш. Аляднов, Сергей Бородин, Гафур Гулям, Зульфия, Андрей Иванов, Мирмухсин, Мумтоз Мухамедов, Акмаль Пулатов, Ибрагим Рахимов, Яшен.

***

Позвольте мне выразить через Вашу газету сердечную благодарность всем организациям и отдельным лицам, поздравившим меня с пятидесятилетием и высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Петр ХУЗАНГАЙ

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

О РАССКАЗЕ

Юрий НАГИБИН

В СВОИХ заметках «Важный жанр литературы» («Правда», 7 декабря прошлого года) Борис Полевой справедливо говорит о том пренебрежении, с каким наша литературная критика относится к такому важному и нужному жанру, как рассказ.

«Растение лишь тогда хорошо развивается, цветет и приносит плоды, когда его поливают. К рассказам тоже требуется заботливое отношение... Но очень редки критические статьи, которые подвергали бы разбору какой-нибудь один, отдельно взятый рассказ, как бы хорош и интересен он ни был».

Правды ради следует сказать, что статьи об отдельном рассказе не только редки в последнее время, но их вообще нет. А ведь было время, когда «Литературная газета» не считала для себя зазорным дать развернутую, содержательную рецензию на один рассказ Е. Успенской, один рассказ Д. Осина, один рассказ Ю. Нагибина и т. д. В ту пору появление каждого отдельного стоящего рассказа рассматривалось как событие литературной жизни не только читателем, который и сейчас столь же горячо относится к рассказу, но и критикой. Большим другом советских рассказчиков был покойный А. Тарасенков, он был внимательнейшим и умным читателем рассказов, он открывал в полном смысле слова новых рассказчиков, привлекал внимание общественности к этому жанру, столь близкому природе русской литературы. Он не был одинок, и другие критики — З. Кедрина, А. Макаров, А. Турков — думали и писали о рассказе. В ту пору рассказчик чувствовал себя окруженным требовательным вниманием, писать было ответственно и радостно.

Появлялось много хороших и даже очень хороших рассказов, много новых хороших рассказчиков. Последнее время рассказчик окружен холодной пустотой. Приведу несколько примеров.

В издательстве «Советский писатель» вышел очередной сборник «Рассказы 1955 года». Так вот, напрасно стал бы искать читатель в последнем сборнике полюбившиеся ему имена Сергея Антонова, Бориса Бедного, Ефима Дорош а, Николая Атарова, Владимира Фоменки и ряда других авторов, появлявшихся на страницах этого сборника. Разве это не показательно? Неужели люди, в течение ряда лет создававшие лицо советского рассказа, не написали за год ни одного рассказа?

Журнал «Огонек», некогда дававший до четырех рассказов в номере, все чаще стал выходить вообще без рассказа. Он переключился на печатание приключенческих повестей, отрывков из новых романов и т. п. И вовсе не потому, что журнал охладел к рассказу. Просто мало хороших или даже «средних» рассказов, а печатать заведомую серятину журналу не хочется.

Тем не менее и за последние годы были рассказы, заслуживающие внимания критики. Взять, хотя бы, в том же «Огоньке» рассказ Сергея Никитина «В бессонную ночь». Неужели этот тонкий, поэтический, мастерски написанный рассказ не заслуживает хотя бы небольшого отзыва?

А ведь С. Никитин написал не один этот рассказ. Он написал их множество, в последние годы он проявил себя одним из самых плодовитых и одаренных рассказчиков. Любая повесть, даже совсем бледная, незамедлительно вызывает критический отклик, хотя порой все содержание отклика сводится к тому, что повесть, мол, не удалась. Но почти ничего еще не сказано о своеобразных, ярких, быть может, в чем-то спорных рассказах Ст. Мелешина, автора талантливого, идущего не простым и не легким путем.

Но пусть не создается впечатления, будто я ратую за то, чтобы рассказчикам при каждом удобном случае дарили «безе», по изящному выражению Ноздрева. Нет, разговор об этом жанре на сегодняшний день должен носить скорее тревожный и суровый характер, нежели умилительно-праздничный. Если бы какой-нибудь критик взял на себя нелегкий труд прочесть несколько десятков рассказов, напечатанных за минувший год в «Огоньке»,—этот журнал все же остается главным прибежищем рассказчиков — он бы пришел к ряду неутешительных выводов. Бросается в глаза как тематическое однообразие, так и удручающее однообразие тона, и если читать все рассказы подряд, то под конец создается ощущение, будто читаешь одного и того же автора. Те же рассказы, что радуют «лица необщим выраженьем», дела не спасают.

Или вот еще одна странная особенность—обилие рассказов, действие которых происходит на катерах, буксирах и прочих мелких суденышках, речных и морских. Из рассказа в рассказ переваливаются суровые капитаны, кряжистые судовые механики, юные радисты и влюбленные во всех и вся на корабле юнги. Да и вообще, что-то больно много воды, не в переносном, а в прямом смысле слова, в огоньковских рассказах. Конечно, в нашей стране много великих рек, ее омывают великие моря, и все-таки суша, если так позволено выразиться, играет куда большую роль в жизни нашего народа, нежели вода. Главный подвиг народа творится в городах, в степях, в горах, в лесах, на рудниках, на полях, на берегах тех же рек, но не в каботажном плавании...

На первый взгляд может показаться, что об этом и говорить не стоило бы, просто случайное совпадение. Но это не так. За мнимой случайностью скрывается большое неблагополучие. К буксирам, катерам, баркам и парусникам авторов тянет та мелкая романтичность, которая от века связывается с речными и морскими путями. Ночные пароходные гудки, свежие и острые запахи воды, ветра и штормы, привкус опасности, набор морских и речных словечек — вся необычность жизни на воде хорошо маскирует необязательность темы и то, что автору, по существу, нечего сказать о главных вопросах, волнующих нашего читателя. Многие рассказчики стремятся работать на периферийных темах, в обход трудностей; недаром же почти отсутствуют рассказы о рабочем классе. Все это тоже могло бы стать предметом серьезного критического обсуждения.

Интересно и заслуживает разговора и другое: в рассказах разнотемных, изображающих совсем разные стороны действительности, вдруг обнаруживается полное совпадение ситуаций и даже действующих лиц. Вдруг видишь, что номенклатурный работник, мещанствующий на собственной даче, или какой-нибудь судовой механик, или замшелый чабан, несмотря на внешнее несходство, являют собой одно и то же лицо, один и тот же, даже в мелочах совпадающий тип. Разница лишь в том, что на одном из них пижама, на другом форма речника, на третьем халат. Стоило бы разобраться, каким образом воцарился в нашем рассказе прием итальянской комедии масок. Но критика молчит...

А ведь писателю-рассказчику важно не только знать оценку собственного труда, ему хочется осмыслить свою работу в плане больших задач, стоящих перед советской литературой, хочется делового, умного разговора о жанре. Ведь жанр — это не что-то застывшее, неизменное на века; каждая эпоха, каждое время наполняет его особым содержанием.

Мне кажется, снижение творческой активности и даже отход многих авторов от жанра рассказа в значительной мере объясняется вышесказанным: жанр поставлен как бы вне рядов «большой» литературы.

Когда же порой критика вдруг замечает пишущих рассказы, то не знаешь, радоваться этому или огорчаться. Так, например, многих рассказчиков, в том числе — и наиболее настойчиво— автора этих строк, не раз упрекали за «разбросанность в тематике». Признаюсь, внутренний смысл этого упрека, его, так сказать, философия осталась мне непонятной. Скажу о себе, я, действительно, писал рассказы и о войне, в которой участвовал, и о детстве, которое у меня было, как и у каждого человека, и о деревне, где прошло мое детство, и о любви, и об охоте, и о рыбалке, и о снах, которые мне снились. Я писал о том, что меня волновало, чем я жил, что я близко постиг в ту или иную пору, и мне всякий раз казалось, что сквозь эти «окна» открывается мне наша жизнь в ее неисчерпаемом многообразии, и я в меру своих сил рассказывал о ней советскому читателю. Но я никогда не думал, что тематическая специализация в жанре рассказа, подобно медицинской, является достоинством, а отсутствие ее — недостатком, требующим искоренения. Неужто только классикам рассказа предоставлено право на «тематическую разбросанность», каковая даже восхваляется в этом случае, как знак широты охвата жизни...

Но стоит ли говорить о частностях, когда даже в коренном, изначальном вопросе — что же такое рассказ? — царит страшная путаница. К рассказу зачастую предъявляются требования, принижающие его, загоняющие его куда-то между газетным очерком и корреспонденцией.

С таким взглядом на рассказ мы столкнулись в заметках Б. Полевого, посвященных рассказу. Продиктованы эти заметки добрым чувством тревоги за состояние жанра, но с некоторыми положениями автора вряд ли можно согласиться.

Б. Полевой называет рассказ сперва «боевой, оперативной разведкой», затем еще определенней — «оперативным донесением боевой разведки».

Бесспорно, что в рассказе, впрочем, как и во всяком настоящем произведении искусства, проблематика должна быть актуальной. И странно было бы отрицать возможность существования рассказа, откликающегося на острые и злободневные вопросы сегодняшней жизни. Но, к сожалению, у Б. Полевого получается, что дело рассказчика — лишь прощупать тему, написать донесение, а уж настоящий бой за овладение тем или иным жизненно важным материалом поведут романисты и повествователи. Сведением рассказа к «оперативному донесению» писатель-рассказчик лишается права на глубокое осмысление жизни, на глубокое и далеко не всегда легко и быстро дающееся проникновение в те сложные и важные процессы, свидетелем и участником которых он является. Объективно это призывает рассказчиков к скольжению по самой поверхности жизни, к фиксации того, что открывается писателю с первого взгляда, минуя глубокое размышление, переживание, вынашивание, трудные поиски словесного выражения.

Б. Полевой с большой похвалой отзывается о рассказе Е. Дороша «Новый секретарь»:

«Рассказ был небольшой, страничек в десять, и не был так уж блистательно написан. Но он образно, интересно ставил вопрос о типе сельского партийного работника, о стиле и методе партийного руководства, и это взволновало и затронуло сердца людей». Но ведь отличный рассказ Е. Дороша тронул читателей именно благодаря гармонии формы и содержания. А что иное может означать этот абзац, как не амнистию, заранее выданную рассказчикам, «не блистательно» пишущим на актуальные темы. Право же, это серьезный грех против литературы: нельзя отрывать художественное качество произведения от качества идейного.

При рождении журнала «30 дней» А. М. Горький, немало потрудившийся для развития советского рассказа, прислал редакции письмо, в котором дал ряд ценных советов, определил характер журнала: «Итак: «30 дней» — журнал, где печатаются маленькие, строго сделанные, строго выбранные рассказы», — писал Горький.

Ясно, что Горький хотел, чтобы журнал «30 дней» печатал рассказы, которые явились бы образцом этого жанра, примером для подражания. А что именно Горький считал, так сказать, высшим эталоном жанра, видно из следующих строк письма:

«Затем я бы советовал Вам дать ряд статеек о мастерах маленького рассказа: Мопассане, Чехове, Пиранделло...».

Вот как высоки были горьковские представления о жанре рассказа!

Никто не станет отрицать, что имеет право на жизнь, более того, нужен и оперативный, «газетный» рассказ. Да дело и не в пожеланиях — такой рассказ существует, будет существовать, будет приносить известную пользу и, к сожалению, зачастую довольно мало художественной радости читателю, уступая в силе воздействия и очерку, насыщенному делами и фактами, и даже умело написанной корреспонденции.

Следует добавить, что далеко не каждый рассказ, написанный для газеты, является «газетным» в общепринятом не очень высоком смысле слова. Например, рассказы покойного Алексея Колосова. Эти рассказы всегда были остры и актуальны, но разве можно их свести к понятию «боевых оперативных донесений»? Прежде всего рассказы эти далеко не так «оперативны», как очерки и корреспонденции того же Колосова. Когда он хотел быть по-настоящему оперативным, он прибегал к помощи других, по-своему не менее почтенных жанров. Рассказы же его созданы совсем не «наспех», все они тщательно выношены автором и обладают собственной, завершенной внутри себя жизнью.

Разумеется, если найдется автор, который в «оперативном боевом донесении» вдруг достигнет чеховской или горьковской глубины, проникновенности, то это будет крайне отрадно, но, как и всякое исключение, лишь подтвердит, что большой путь советского рассказа, путь, по которому следует идти передовым кадрам наших рассказчиков,—это путь, указанный Горьким.

Можно ли сводить многообразный жанр рассказа к рассказу-«донесению», как это делает Б. Полевой? Ссылка на военную пору вовсе не показательна. Да, в ту пору появилось бесчисленное множество рассказов на страницах центральных, фронтовых и армейских газет, они делали свое нужное дело. Но многие ли из этих рассказов сохранились, многие ли выдержали испытание временем, перечитывает ли их читатель, вошли ли они в золотой фонд нашей литературы?

Сохранилось лишь то, что было плодом подлинного творчества, глубокого авторского раздумья и переживания.

Самое странное, что свою мысль Б. Полевой пытается подтвердить ссылкой на... традицию классической русской литературы. Вот что он пишет:

«По старой, давно существовавшей в русской литературе традиции рассказ всегда был боевым жанром литературы, к которому передовые писатели прибегали всякий раз, когда им хотелось быстро, сильно, действенно откликнуться на все самое важное, что в их пору занимало общество».

И сразу возникают в памяти «Что делать?» Чернышевского, «Накануне», «Отцы и дети» Тургенева, «Крейцерова соната» Льва Толстого — наиболее, пожалуй, яркие примеры того, когда передовые писатели очень «быстро, сильно и действенно» откликнулись на то, что в их пору волновало общество. Одна беда — названные произведения не были рассказами.

Конечно, любое настоящее художественное произведение, рассказ в том числе, является откликом на шум времени, на жизнь современного писателю общества, но только не тем откликом, о каком говорит Б. Полевой. Неужели задорным, боевым духом, зудящим желанием немедленно откликнуться порождены такие шедевры русской «рассказной» литературы, как «Дама с собачкой», «Ионыч», «Архиерей» Чехова, «Тупейный художник» Лескова, «Оброк», «Солнечный удар» Бунина, «Мальва», «Челкаш», «Рождение человека» Горького?

И неужели кто отважится назвать «Севастопольские рассказы» Льва Толстого оперативной разведкой? А кто же тогда дал бой? Сколько писалось о севастопольской страде повестей, романов, даже эпопей, но ведь нигде не дана такая потрясающая, исчерпывающая картина, как в этих рассказах. И, пожалуй, этот пример лучше всего доказывает, что настоящий рассказ — это и разведка, и бой одновременно, иначе говоря, не подступ, не прощупывание темы, а овладение темой всеми средствами словесного искусства.

Только слабость нашего литературоведения повинна в том, что до сих пор не вскрыта, не показана со всей отчетливостью та плодотворная разрушительная сила, какая заключена, к примеру, в весьма «неоперативных» рассказах Чехова, даже в таком, будто бы далеком от всякой «социальности» рассказе, как «Дама с собачкой», или в горьковском «Рождении человека». Надо ли доказывать, что плодотворная, созидательная роль советского рассказа тем значительней, чем глубже «копает» писатель, чем больше ума, сердца и таланта вкладывает он в свое творение!

Рассказчик должен так же щедро сочувствовать в жизни, так же глубоко познавать ее, как романист, как все его собратья по другим, «крупным» жанрам, вдумываться в каждое жизненное явление, осмысливать происходящие в жизни процессы, ни в чем не делать себе скидки: ни на оперативность, ни на малый жанр, не утешать себя тем, что он-де ухватил что-то новое и важное. И задача рассказчика — уложить скопленный, осмысленный, прочувствованный им материал в предельно сжатую форму — отнюдь не легче, чем у романиста. Недаром сейчас и начинающие писатели ленятся писать рассказы. К чему, дескать, собирать материал, вживаться в него, а потом дать лишь самую отжимку, не проще ли сочинить объемистую книгу — милее оно и выгоднее.

Захотят ли советские рассказчики — равноправный отряд большой советской литературы — стать творцами одних лишь «оперативных донесений», да еще в строгих рамках определенной для каждого темы? Думаю, что они изберут иной, столбовой, горьковский путь, сообразный с подлинной традицией великой русской литературы.

ЧЕСТВОВАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Общественность Риги отметила пятидесятилетие латышской советской поэтессы Мирдзы Кемпе. В статьях, посвященных жизни и творчеству писательницы, печать отмечает большую роль Мирдзы Кемпе в развитии латышской поэзии и ту заботу, с которой писательница относится к воспитанию молодых поэтов. В Литературном музее имени Райниса открыта выставка, посвященная талантливой латышской поэтессе.

***

Общественность Мордовии отметила пятидесятилетие писателя В. Виарда (В. И. Ардеева). На расширенном заседании правления республиканского Союза писателей с приветствиями к юбиляру обратились литераторы, представители местной общественности.

РАЗВЕЯННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

— Англия приветствовала приезд венгерских беженцев лишь по соображениям гуманности, — заявил недавно представитель английского министерства иностранных дел. Сказано красиво, не без возвышенности. На деле же гуманность, как мы увидим ниже, здесь совершенно ни при чем.

После ноябрьских событий около 12 тысяч венгров оказалось в Англии. Неправильно было бы, конечно, считать, что все они сознательно участвовали в контрреволюционном мятеже или были агентами империалистических разведок. Большинство из них ввела в заблуждение лживая западная радиопропаганда, сбили с толку распространители провокационных слухов. Есть среди них и такие, что поверили пропагандистским россказням о том, будто в капиталистических странах текут молочные реки в кисельных берегах, а вареники сами прыгают в рот. Встреча с капиталистической действительностью подействовала на большинство венгров самым отрезвляющим образом.

Разместили беженцев в холодных лачугах и землянках, обещав им, что они пробудут там только несколько дней. Но прошло уже много недель, а о переселении людей в более сносные жилища никто и не заикается. «В домах холодно, по стенам стекает вода. То и дело мы отправляем нашего ребенка в больницу», — жалуется один из венгров в письме, адресованном Британскому совету помощи беженцам. Венгры изолированы от внешнего мира. Самовольно покидать пределы лагеря запрещено. Кроме того, беженцы не имеют ни гроша в кармане, и потому, даже если бы им и позволили, они все равно не смогли бы разъезжать по стране в поисках работы.

На капиталистической чужбине венгры оказались почти на положении рабов, привезенных на невольничий рынок. Это не журналистский образ, а реальный факт. Не случайно же **начальником одного из лагерей был назначен чиновник министерства колоний**, что вызвало бурное возмущение беженцев.

Следующим тяжким сюрпризом, который преподнесла им капиталистическая действительность, оказалась безработица. В Англии существует твердое правило — не брать иностранца на работу, если на нее претендует также англичанин. Поэтому, например, в центральных английских графствах из полутора тысяч венгров получили работу только 112 человек. Да и чего же другого можно было ожидать, если сами англичане вынуждены бежать в другие страны, спасаясь от безработицы! Тысячи отчаявшихся и обездоленных англичан выстраиваются по утрам в Лондоне у канадского представительства, пытаясь добиться въездной визы в Канаду, где, как им кажется, они смогут найти работу и приличное жилье.

Но и те венгры, которых устроили на работу в Англии, никак не могут чувствовать себя осчастливленными. Бесправных, лишенных гражданства людей берут на наиболее низкооплачиваемую работу. В середине января группа беженцев, направленных на текстильную фабрику Крофт Милле в Рочдейле, отказалась работать в знак протеста против мизерной оплаты труда. Они прямо заявили администрации фабрики, что «в Венгрии они зарабатывали гораздо больше». Но дирекция фабрики не набавила им ни пенса, и беженцам, чтобы не умереть с голоду, пришлось вернуться в цех.

Постепенно у обманутых людей спадает с глаз пелена. Первые группы венгров уже покинули Англию и отправились на родину. Этот процесс прозрения шел бы значительно быстрее, если бы ему не препятствовали английские власти. Английское министерство внутренних дел начало издавать на венгерском языке газету «Хети хитек» («Еженедельные новости»), предназначенную для идеологической обработки беженцев. Культивировать у людей неприязнь к народно-демократическому строю и тем самым восстанавливать беженцев против их отчизны — занятие малопочтенное и во всяком случае не гуманное.

Недавно венгерское министерство иностранных дел выразило надежду, что английское правительство окажет помощь в том, чтобы молодые венгры, не достигшие 18 лет и не совершившие преступлений, могли бы вернуться из Англии домой, где их ждут родители.

Британские власти не поспешили откликнуться на этот призыв. Может быть, среди беженцев нет детей, о которых шла речь в венгерской ноте? Даже английская буржуазная печать признает, что в числе беженцев имеются маленькие дети, прибывшие в Англию без родителей. Газеты рассказывают, например, об одном восьмилетнем малыше, попавшем в Англию без отца и без матери и вообще кого-либо, кто мог бы о нем позаботиться. И вот несчастного ребенка выгнали из одного лагеря и направили в другой как «отъявленного хулигана». Оливер Твист — удачник и счастливчик по сравнению с этим маленьким венгром.

А британские чиновники еще толкуют о «гуманности»!

М. В.

НАШИ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Новые переводы из Мориса Карема

В минувшем году в нашей газете (номер от 27 октября) была опубликована статья «Учителя оптимизма» и переводы стихов известного бельгийского поэта Мориса Карема. Недавно из Брюсселя в редакцию пришло письмо, в котором Морис Карем благодарит «Литературную газету» за то, что она познакомила с его творчеством советских читателей. Вместе с письмом поэт прислал новые сборники своих стихотворений.

Имя Мориса Карема широко известно в Бельгии и других странах. Поэт родился в Авре (Брабант) в 1899 году. Многие годы он был преподавателем, а затем целиком посвятил себя литературной деятельности. Ряд сборников стихов Мориса Карема удостоен бельгийских национальных и международных премий. Книга его стихов «Мать», переводы из которой были опубликованы в «Литературной газете», вышла недавно в Бельгии восьмым изданием.

Сегодня мы печатаем новые переводы стихотворений Мориса Карема.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Она была такой простой, простейшей из историй,
Что не нашлось нигде-нигде рассказчика, который
Ее хотел бы рассказать в таком же самом стиле
И сделать так, чтобы ее на свете не забыли.

Она была такой простой, простейшей из историй,
Что ветер стал ее учить и знал на память вскоре
И повторял везде-везде, и все деревья в мире
Ее узнали от него и тоже заучили.

Послушай, как шумит листва
В задумчивой печали:
Простые тихие слова,
А мы их потеряли.

ПРОШЛА

Где она и что же с ней,
Клявшейся в любви своей?
Не любовь непостоянна,
Мы проходим в смена дней.
Разлюбили, любим вновь,
Мы проходим, — не любовь.

ВЕСНА

Весенний воздух чист и нежен,
Все стало легче и светлей,
И землю жаворонок держит
На нитке песенки своей.

Весна у каждого окна
Шалит с улыбкою ребячьей,
Пускает зайчиков она,
И на твоем портрете — зайчик.

РЕБЕНОК У МОРЯ

Было море, рассветное, бледное,
В гребнях волн, в далеких парусах,
И над морем звезда последняя
В зеленеющих небесах.

Был песок, бесконечность песчинок,
Был песок с незапамятных дней,
И над ним в вековых морщинах
Вереницы прибрежных камней.

Был ребенок — и все беспредельное,
Где и мыслить нельзя о конце:
Море, небо, звезда и время —
Отражались на детском лице.

Перевел с французского
Н. РАЗГОВОРОВ

КУБА БУРЛИТ

Николас ГИЛЬЕН,
кубинский поэт

Американский журнал «Тайм» опубликовал недавно весьма примечательную заметку о политическом положении на Кубе, находящейся под властью диктатора Батиста.

«Тайм» сообщает, что не реже трех раз в неделю точно в 8 часов 30 минут вечера в Гаване происходят взрывы начиненных динамитом бомб... Очевидно, террористические акты стали вполне обычным делом совершенно отчаявшихся людей, которые находятся в оппозиции к существующему режиму. Эти люди дают о себе знать не только в Гаване, но и в других районах страны.

Применяются и иные средства борьбы, не столь анархические и более действенные, например, забастовки, акты саботажа. Народный протест находит выход в виде демонстраций, уличных столкновений с полицией, интенсивной революционной и антиимпериалистической пропаганды. Еще во время войны за независимость, против испанских колонизаторов, а также в ходе самых различных по своему характеру республиканских мятежей участники вооруженных выступлений поджигали сахарный тростник на плантациях. И теперь пылает тростник на большинстве «централей» — предприятий по производству сахара, из которых янки извлекают огромные прибыли.

Батиста приостановил в связи с этим еще в двух провинциях, а именно Гаване и Матансас, действие конституционных гарантий. Как известно, в одной из этих провинций находится резиденция правительства и столица республики. Установлена предварительная цензура, распространяющаяся не только на печать, но и на радио- и телепередачи.

***

Последние декабрьские дни рождественских праздников кубинский народ окрестил «кровавым Рождеством». В ночь с 25-го на 26 декабря солдатами армии Батиста — фактически наемными убийцами — были насильственно оторваны от домашнего очага 21 кубинец, люди, открыто высказывавшие свои враждебные правительственной тирании взгляды. **Были** оторваны... Одного употребления глагола в прошедшем времени достаточно, чтобы мысленно воссоздать драматическую картину того, что произошло в ту же ночь. Девятнадцать из них были расстреляны, двое повешены в лесу на деревьях. Это чудовищное преступление было совершено по заранее продуманному плану, который выполнили в один и тот же час в разных городах на северном побережье Восточной провинции.

Семеро из числа убитых были коммунистами, вожаками рабочих сахарной промышленности, остальные — членами партий мелкой буржуазии, таких, как партия Аутентико (во главе с бывшим президентом Грау Сан-Мартином) и Ортодоксо. Один из убитых был кандидатом на пост мэра в большом городе Виктория - де - лас - Тунас, другой — студентом: все они были видными политическими или профсоюзными деятелями.

***

В заметке, опубликованной журналом «Тайм», содержится, помимо всего прочего, намек или, скорее, имеющее подстрекательский характер замечание, которое настораживает. «Тайм» предполагает, что в случае, если террор продлится еще несколько месяцев, группа офицеров кубинской армии, возможно, внушит Батисте мысль о необходимости отказаться от своей власти «для блага Кубы». Иначе говоря, имеется в виду очередной военный переворот. Однако что это за офицеры, которые станут его участниками? Какую программу смогут они предложить для улучшения жизни народа, смогут ли они гарантировать права всем гражданам, обеспечат ли они свободу деятельности политическим партиям, включая и самые левые, займут ли они хотя бы внешне достойную позицию по отношению к империалистам?

В марте 1952 года Батиста захватил власть в результате вооруженного переворота против президента Прио Сокаррас, когда последний окончательно скомпрометировал себя, явно и полностью продавшись янки. Батиста тоже давал обещания, что его правительство — это незаконнорожденное дитя, появившееся на свет вопреки конституции, — сделает все «для блага Кубы». Результаты налицо. Ни одно из зол свергнутого правительства не было исправлено, и, более того, его пороки, подобно раковой опухоли, чудовищно разрослись, дав ответвления в разные стороны.

Тирания Батиста должна рухнуть, так как она прогнила до самых корней. Но кубинскому народу ровным счетом ничего не даст переворот, который приведет к замене одной военной клики другой военной кликой с такими же, как и у ее предшественницы, завидущими глазами и загребущими руками. Известно, что политика, издавна проводимая янки не только на Кубе, но и на всем латино-американском континенте, состоит в том, чтобы использовать в своих интересах какого-либо диктатора-марионетку до конца, пока он не прогнит окончательно и не утратит всякую ценность для империалистов. Тогда в руки берут другую куклу, но и тут вскоре обнаруживаются нитки, на которых пляшет очередной лакей.

Кубинский народ хочет свободных выборов в подлинно демократической обстановке: без неприятных визитов агентов СИМ — этого кубинского варианта ФБР, без убийств и таинственных исчезновений людей, без всего того, что превращает остров Кубу в подлинный ад. Кубинский народ хочет всего, в чем ему тридцать лет тому назад отказал Мачадо, а теперь отказывает Батиста. Но народ хочет добиться этого не с помощью какого-нибудь закулисного переворота, не в результате маневра, предпринятого Вашингтоном, а силами широкого фронта, который объединил бы все прогрессивные силы страны и положил конец тиранин.

ЗА ПРИЛАВКОМ И ОКОЛО

Не подлежит сомнению, что в случае создания так называемого «общего рынка» в Западной Европе господствующие позиции на нем оказались бы в руках Западной Германии. (Из газет)

Рис. Б. Ефимова.

Международная почта

НЕТ УИЛЛАРДА, НО ЕСТЬ РОБЕРТ!

ЭТА история произошла в конце 1955 года. Подкомиссия американского сената по вопросам внутренней безопасности, руководимая сенатором Истлэндом, с ожесточением занималась раскрытием мифического «коммунистического заговора» в американской прессе. Какой-то клеветник прислал подкомиссии письмо, в котором утверждал, что «некто по имени Шелтон» — член коммунистической группы, будто бы существующей в редакции газеты «Нью-Йорк таймс». Сенаторы решили, что речь идет об Уилларде Шелтоне, статьи которого, критикующие их деятельность, они встречали. Тут же в «Нью-Йорк таймс» была отправлена повестка, предлагавшая Шелтону без промедления явиться на заседание подкомиссии.

Уиллард Шелтон работает в профсоюзной газете «СИО—АФЛ ньюс»; естественно, что его в редакции «Нью-Йорк таймс» не оказалось. Зато нарочный, посланный сенаторами, выяснил, что там есть **Роберт** Шелтон. Недолго думая, он переправил в повестке «Уилларда» на «Роберт»...

Так Роберт Шелтон, мелкий технический работник «Нью-Йорк таймс», предстал перед подкомиссией по вопросам внутренней безопасности. Не чувствуя за собой никакой вины и будучи оскорблен этим вызовом, Шелтон категорически отказался отвечать на вопросы сенатских расследователей. По наивности он сослался на поправку в конституции, гарантирующую свободу слова и печати. Не помогло! Его обвинили в неуважении к конгрессу и привлекли к суду.

И вот недавно наступила развязка... Как сообщает американский журнал «Тайм», в конце января этого года дело Роберта Шелтона слушалось федеральным судьей Ризли в Вашингтоне. Напрасно защитник доказывал, что проводившееся подкомиссией расследование было незаконным, что сенаторы имели не больше оснований допрашивать Шелтона, чем любого «человека с улицы». Не подействовало и заявление, что «не подлежит никакому сомнению» лойяльность Шелтона, прошлое которого хорошо известно руководителям «Нью-Йорк таймс», что в этой газете не стали бы терпеть человека, если бы в нем сомневались.

Горячие речи защитника не оказали влияния на судью, стоящего на страже интересов «охотников за ведьмами». Приговор гласил: «Шесть месяцев тюремного заключения и штраф в 500 долларов»...

НЕ В БРОВЬ, А В ГЛАЗ

— Почему разговоры о разоружении всегда кончаются увеличением нашего военного бюджета?

Рисунок из американской газеты «Нью-Йорк геральд трибюн»

ФАЛЬШИВЫЕ «МЕМУАРЫ»

БУРЖУАЗНАЯ печать Запада, развернувшая кампанию лжи и клеветы о Венгерской республике и Советском Союзе, опубликовала так называемые «мемуары кардинала Миндсенти». При ближайшем рассмотрении оказалось, что «мемуары» не принадлежат перу самого кардинала. Затем выяснилось, что существуют два варианта мемуаров. И, наконец, было установлено, что «варианты» противоречат друг другу. Заметил это французский буржуазный еженедельник «Экспресс».

Автор первой версии — венгерский священник Иожеф Вешей, «друг и поверенный кардинала», пригретый американской газетой «Нью-Йорк геральд трибюн» и французской газетой «Фигаро». Второй вариант мемуаров в изложении журналиста Лесли Бэлог Бэйна увидел свет на страницах американского журнала «Лук» и французской газеты «Франс-суар».

Сравнив обе версии «исповеди» Миндсенти, «Экспресс» заявил, что «их разделяет пропасть».

Газета «Фигаро» так описывает, например, бегство Миндсенти в американское посольство в дни, когда силы венгерской контрреволюции уже терпели поражение. Кардинал принял участие в заседании правительства, происходившем в здании парламента. Там он получил совет «бежать в американское посольство», так как «коммунистические войска уже приближались к зданию». Кардинал, сняв сутану и переодевшись в штатское платье, в сопровождении трех молодых людей вышел из парламента и благополучно прибыл в посольство США.

Совсем по-другому выглядит тот же эпизод в газете «Франс-суар». Кардинал не присутствовал на заседании в парламенте и не сбрасывал сутану... Взамен этого газета угощает читателей историей о том, как на пороге парламента Миндсенти и его спутник подверглись нападению двух свирепых представителей «страшной тайной полиции». Затем подробно описывается «погоня за кардиналом», его бегство на автомашине, доставившей его в банк, откуда якобы уже велись дальнейшие переговоры с американским посольством.

«Оба эти свидетельства, как мы видим, значительно отличаются друг от друга», — констатирует «Экспресс».

Не возражая против существа возводимой клеветы, редакция «Экспресс», вероятно, просто не стерпела грубой работы своих коллег по перу...

«У каждого — своя истина», — деликатно озаглавил свое разоблачительное выступление еженедельник «Экспресс». Вернее было бы сказать: «Сколько лжецов — столько разновидностей лжи».

ЗА ЧТО ПЛАТЯТ

Выходящий в Западной Германии журнал «Штиммен дер юнген генерацьон» сделал недавно не лишенное интереса разоблачение. Оказывается, боннское министерство по общегерманским вопросам, возглавляемое Якобом Кайзером, «заявило о своей готовности финансировать специальный номер «Дейче штудентенцейтунг»*, посвященный Венгрии, при условии, что события в Египте не будут затронуты».

Примечательный факт! Определенные круги ФРГ не жалеют средств, чтобы отвлечь внимание немцев от империалистической агрессии на Ближнем Востоке и ее последствий, а вместе с тем раздуть антисоветскую шумиху.

Министерство, призванное решать вопросы объединения Германии и многие другие общенациональные проблемы, казалось бы, имеет достаточный круг обязанностей. Но на практике оно занято тем, что, как пишет берлинская демократическая газета «Дер морген», «финансирует замалчивание египетских событий и дает взятки для клеветы на Венгрию и Советский Союз...» Странное представление о решении общегерманских дел!

* Орган союза студенческих объединений Западной Германии.

ДВОИТСЯ В ГЛАЗАХ...

Послание Эйзенхауэра конгрессу сулит «процветание», однако общественность США видит в нем угрозу инфляции.

Рис. из газеты «Ричмонд таймс-диспетч» (США).

ШКОЛА ВРАНЬЯ

ДИЛЕТАНТЫ по части антикоммунистического вранья, желающие обогатить опыт и повысить квалификацию, напали, можно сказать, на золотоносную жилу. Они получили наставление, как надо врать, от бесспорного авторитета в этой области — Эрнеста Лангендорфа, одного из ведущих вралей радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене.

Обобщая свою обширную практику и поднимая ее до ослепительных «теоретических» высот, Лангендорф в речи на мюнхенском собрании «Либерального объединения» дал принципиальное обоснование лжи.

«На войне можно лгать и обманывать, — заявил он, — нужно только стараться не быть пойманным. Ловкая и умная пропаганда в восточном пространстве и сегодня будет иметь большое значение».

Итак, этот истый либерал в духе «свободного мира» — за полную и неограниченную свободу лжи «в восточном пространстве». Врать, по Лангендорфу, можно до умопомрачения, но желательно проделывать это ловко.

Попало от Лангендорфа гамбургской газете «Ди вельт», которая писала о подстрекательской роли радиостанции «Свободная Европа» в дни контрреволюционного мятежа в Венгрии. «Общественность требует, — негодовал он, — государственного контроля над радиостанцией. Государственный контроль привел бы к уменьшению нашей действенности и нашего влияния в коммунистических странах. Он подрезал бы нашу деятельность».

Именно этого и требует прогрессивная мировая общественность: положить конец гнусным провокационным проискам радиостанции «Свободная Европа», ликвидировать мюнхенскую школу радиовранья, угрожающую миру в Европе.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

В поселке Корраль Абьерто

Каждый раз, когда выходит в свет новая книга Энрике Аморима, печать Уругвая, да и всей Латинской Америки справедливо отмечает это как большое событие в литературной жизни континента. Аморим — один из крупнейших и любимейших писателей Латинской Америки.

Темы большинства романов Аморима — жизнь уругвайской деревни, «диалог с пампой», как он сам выражается. Еще в одном из своих ранних романов «Крестьянин Агиляр» Аморим дает великолепный образ сельского труженика, сохранившего в себе черты старого гаучо.

В следующем и, быть может, в одном из интереснейших романов Аморима «Лошадь и ее тень» писатель затрагивает ряд социальных проблем и пытается осмыслить причины, породившие бедственное положение уругвайской деревни. Писатель показывает конфликт между городом и деревней как основную причину этого положения. Ранние романы Аморима отражали настроения уругвайского крестьянства, с недоверием относившегося к городу, видевшего в нем только эксплуататора своего труда.

В новом, вышедшем в 1956 году романе Аморима «Корраль Абьерто» автор снова возвращается к теме уругвайской деревни.

Как и прежние его книги, роман «Корраль Абьерто» — яркое разоблачительное произведение. То, о чем рассказывает Аморим в своем новом романе, потрясает до глубины души. Трудно себе представить, что в наш век могут еще существовать такие поселки, как Корраль Абьерто, один из многих так называемых «крысиных городов Уругвая». Крысиный город! Название это как нельзя лучше определяет эти поселки нищеты и скорби, где нет ни воды, ни света, ни больниц, где каждый дом — подобие звериного логова. Почти все население поселка — больные туберкулезом, сифилисом, раком. Вечно голодные, одетые в невообразимые лохмотья, люди ведут там беспросветную мученическую жизнь. Почти все девушки Корраль Абьерто попадают в дома терпимости. В Корраль Абьерто процветают воровство, пьянство, разврат.

Молодой парень Орасио Коста, — Костита, как его ласково называют в семье, — полон горячей решимости вырваться из этого ада. У него есть все, чтобы быть счастливым, — молодость, здоровье, умелые крепкие руки. Орасио нежно любит свою сестру и с горечью думает о ее будущем. С мыслью вырвать дорогих ему людей из ужасов «крысиного города» Костита приезжает в Монтевидео. Ему удается устроиться на работу. Костита счастлив — мечта его вот-вот осуществится: он сможет скопить денег и выписать в Монтевидео семью. Но однажды его хозяина находят мертвым: он убит ножом, на котором стоят инициалы Коститы. И хотя юноша в день убийства был далеко от дома, его арестовывают.

Когда Костите исполняется восемнадцать лет, его освобождают из исправительного дома. Юноша не расстается со своей мечтой найти постоянную работу. На первых порах ему это как будто удается. Новый хозяин неплохо платит Костите и очень его ценит, ведь работать-то Коста умеет! И вот настал день, когда сбылось одно из заветных желаний юноши: он купил себе новый костюм. Но как раз это-то и послужило источником его новых несчастий: следившие за ним полицейские по-своему расценили перемену в туалете Косты и вновь арестовали его. И хотя вскоре невиновность его была полностью доказана, Косте не удается найти работу, и он возвращается в крысиный город.

Описание путешествия Косты — одно из лучших мест в книге. Писатель дает ряд превосходных по своей глубине образов простых людей Уругвая. Читатель встречается с каждым из них на очень короткое время, но все они — и шофер грузового такси, и хозяин маленькой ремонтной мастерской и нежная, застенчивая Ребекка, случайная знакомая Косты, и супружеская чета престарелых крестьян — надолго запоминаются читателю.

Замечателен образ доктора, повстречавшегося на пути Косты. Автор почти ни слова не говорит нам о его внешности, но так и видишь этого пресыщенного, самоуверенного, скучающего богача, которого не трогают страдания народа. Томимый дорожной скукой, лениво расспрашивает он Коститу о Корраль Абьерто. Страшные подробности жизни «крысиного города» воспринимаются им, как занимательный рассказ. Сколько холодного равнодушия в его праздных вопросах и нелепых советах Костите, вроде «Почему бы тебе не стать боксером?»

Вернувшись в Корраль Абьерто, Орасио Коста по-новому воспринимает весь ужас «крысиного города»: в нем растет протест против чудовищной несправедливости, постепенно зрест решимость помочь своим товарищам по несчастью. Костита незаметно становится центральной фигурой в Корраль Абьерто. К нему стекаются жители всего поселка, к его словам прислушиваются. Обитатели мрачного «крысиного города» начали чувствовать необходимость «сплотиться в тесную группу, сомкнуть ряды... объединиться». С появлением Коститы у них родилось «крепкое братство».

Заключительные главы романа менее удались автору. Создав замечательный образ Коститы-подростка, автор не показывает затем самого процесса формирования его сознания. Молчание, на которое обрек автор своего героя, не позволяет нам видеть во всей полноте душевные переживания Коститы.

...Заснувшему на берегу реки Костите снится, что обитатели Корраль Абьерто покинули свой «крысиный город» и, обезображенные болезнями, непосильным трудом и голодом, двинулись огромной серой массой, «демонстрацией зачумленных». Они похожи на видения горячечного сна.

Колонна страшных призраков направляется к станции. Поезд едва вмещает всех жителей Корраль Абьерто, набирает скорость и мчится вперед. Костита медленно идет по вагонам, вглядываясь в лица пассажиров, которых он так хорошо знает. Проходя мимо, Коста вспоминает историю каждого из них. И что это за истории! Болезни, страдания, непосильный труд, обманутые надежды. «Это Либорио, — говорит себе Коста, останавливаясь около слепого мальчика, — ему семь лет. До шести лет он прожил, привязанный к столбу. Еще и сейчас видны следы от веревки на его ножке. Его привязывали потому, что мать должна была целый день стирать белье». «Это Клоринда, прачка, моя мать, — продолжает Коста. — От зари до зари она стоит, склонившись над водой, ее руки зимой твердеют, как камень, а летом трескаются. Мой отец все время боялся, что кто-нибудь из нас родится на дороге. И действительно, я родился на берегу ручья».

Куда же мчится этот фантастический поезд? Автор не отвечает на этот вопрос. Поезд несется вперед, колеса весело постукивают, пассажиры полны надежд. Впереди — будущее. И оно должно быть лучше сегодняшнего дня. Оно будет лучше, ибо дух протеста, дух борьбы овладел «крысиным городом» — Корраль Абьерто.

Ел. КОЛЧИНА

Enrique Amorim. «Corral Abierto» Buenos Aires. 1956.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

ОБЪЯВЛЯЕТ ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

для лиц, имеющих законченное среднее образование и опыт практической работы, желающих поступить в институт в 1957 г.

На творческий конкурс принимаются повести, рассказы, очерки, поэмы, пьесы, стихи, критические статьи и художественные переводы с татарского и армянского языков. Неопубликованные произведения должны быть перепечатаны на машинке. Произведения, написанные не на русском языке, должны сопровождаться подстрочным переводом, а художественные переводы — оригиналом.

Автор произведений, присылаемых на конкурс, должен сообщить свой возраст, профессию, стаж трудовой деятельности, какое учебное заведение окончил, национальность, партийность, с какого времени пишет, на каком отделении (основном или заочном) желает учиться и точный домашний адрес.

Срок присылки произведений на творческий конкурс — до 25 мая.

О решении Конкурсной комиссии авторы произведений уведомляются не позднее 15 июня.

Лица, выдержавшие творческий конкурс, имеют право подать заявления и документы для поступления в институт и допускаются к приемным экзаменам в установленные для вузов сроки.

Произведения, отклоненные Конкурсной комиссией, возвращаются. Рецензии не высылаются.

Адрес Конкурсной комиссии: Москва, К-104, Тверской бульвар, 25.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ

Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Вс. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМИРНОВ, В. ФРОЛОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б00031